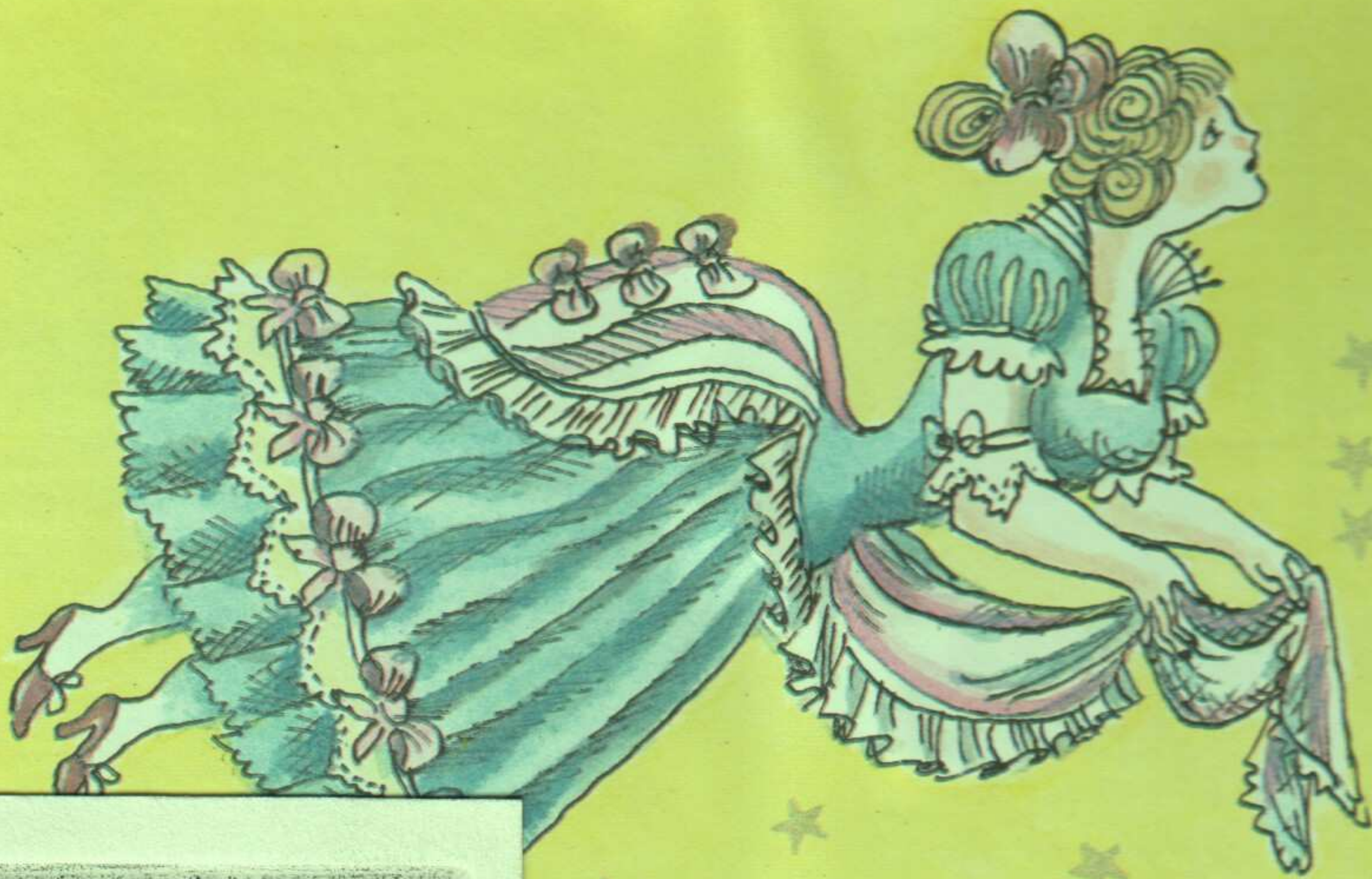

МУДЕСНЯЯ ВОЛЫНКА

ЧУДЕСНАЯ

Художник Р. Вольский

ВОЛЫНКА

Москва
Детская литература 1992

ББК 84. 4Че
Ч-84

Ч $\frac{4804010400-154}{M101(03)-92}$ 478-91

ISBN 5-08-002172-1

© И. Иванова, составление, примечания, переводы, отмеченные звездочкой, 1992
© Р. Вольский, иллюстрации, 1992

ЧУДЕСНАЯ ВОЛЫНКА

авным-давно жила в наших местах бедная вдова. Мужа ее, лесоруба, придавило деревом, и осталась она одна с пятерыми малыми детьми. Была у них избенка на опушке леса да полоска земли, вот и все богатство. Мама с ранней весны до поздней осени ходила к крестьянам работать, за это ей поле ее пахали, она сажала репу да капусту, ходила с детьми в лес по грибы, собирали они в лесу и чернику, и малину, сами почти не ели ягод — мама продавала их в городе. Приносили из лесу хворост, валежник, все старались, как могли, да только ребятишки были малые, слабые, помощи от них было немного. Главным помощником матери был старший сын, Иржик. Ему сровнялось уже четырнадцать лет. Иржик был пригожий и рослый паренек, на лицо румяный и здоровенький. Одежда, правда, на нем была латана-перелатана — и локти, и колени, зато умом-разумом не был обделен. В школе, куда он ходил только в зимние месяцы, учитель не мог им нахвалиться. И еще любил ходить Иржик к Гóнзе Куберна́цу, известному в округе музыканту, и учился у него играть на волынке.

Мама этому только радовалась. Пускай, думала она, выучится играть, станет ходить по свадьбам, на танцы, там его напоят-накормят, еще и домой грошик какой принесет; глядишь, будет чем помазать черствый хлебушек, что заработает он в лесу.

Потому что ясно было, что станет Иржик, как и все в деревне, лесорубом. В ту пору на заработки в другие места мужики здешние еще не хаживали.

А Гонза Кубернац полюбил Иржика, как своего сына, и научил всему, что сам умел. Играли они песенки свадебные, хороводные, веселые и печальные. Приходили к Гонзе и другие музыканты — за советом и поиграть вместе, от них Иржик тоже многое перенял.

Слушал Иржик их игру, сам играл, особенно нравилась ему волынка; а играют на ней так: надувают мех — зашитую мешком козью шкуру, в которую вделаны две-три дудки, потом сжимают под мышкой надутый мех, воздух выходит в дудки с отверстиями, музыкант перебирает пальцами по дудкам, так и играет.

Увидал, как играет Иржик, и другой волынщик, Пёцак, приятель Гонзы. Позвал он Иржика в ученики. Иржик обрадовался, покраснел даже да и смутился — денег на обучение у него не было. Старый волынщик только рукой махнул. Бог, мол, заплатит, а я рад буду такому ученику.

И правда, старательнее, чем Иржик, надо было поискать ученика! Да и волынки у Пёцака были одна красивее другой, козы головки были с блестящими глазками, а голоса — звонкие-звонкие. Не было в том никакого дива, потому как сработал все их лучший мастер из уезда Больф Штёфек.

Иржик приходил и играл по очереди на всех волынках, а Пёцак радовался, слушая способного ученика. И вот однажды старый Пёцак сказал ему:

— Милый Иржик, тебе уже нечему больше учиться у меня. Все, что умею я, умеешь делать и ты, если хочешь — приходи, играй у меня, а учить тебя мне больше нечему. Стар я стал, ноги болят, трудно мне ходить по селам. Ступай теперь ты вместо меня с моими музыкантами, коли хочешь.

— Как не хотеть, дядюшка! — обрадовался Иржик. — Но вы чем жить будете?

— О том не заботься, — успокоил волынщик. — Я скопил кой-чего на черный день, и пора уж отдохнуть мне. А тебе я хочу подарок сделать.

Завел он Иржика в каморку, где висели его волынки, и сказал:

— Три их у меня, все мне ни к чему, две я оставляю себе на радость, чтобы сыграть когда-нибудь. А помру — вот на этой сыграешь мне и после возьмешь себе, а другую положишь мне в гроб, чтобы я и на том свете людей тешил игрой. А третья волынка — твоя. Выбирай любую.

— Правда, дядюшка? — воскликнул Иржик. — Какую хочу?

— Вот именно, — кивнул Пёцак.

Схватил Иржик волынку, на которой чаще всего играл, привык к ней, поцеловал с благодарностью руку старому волынщику, повесил волынку на плечо и побежал, сам себя не помня от счастья, домой.

Так и стал Иржик играть с другими музыкантами; ходили они по окрестным деревням, играли на свадьбах и на танцах; осенью, когда полевые работы кончались и было больше всего свадеб, приносил Иржик домой денег порой и поболее, чем мама, работая тяжело в лесу.

А волынку, подарок старого Пёцака, он любил все сильнее, разве что не спал с ней в обнимку.

Иржик ходил работать на помещичье уже не первый год. Было ему уже двадцать лет. И случилась тогда поздняя и холодная весна. Снег сошел поздно, погода стояла мокрая, дожди все лили и лили, черные тучи закрывали небо, солнце через них не могло пробиться и согреть землю, и был сильный недород. Хлеба выросли низкие, как говорится, «жабе по колено» да еще полегли от дождей. Кое-как люди сжали хлеб, разложили в горстях на стерне да так и не смогли связать в снопы и увезти с поля — от сырости почернел он, пророс, солома гнилью воняла. Такие вот были в тот год жнива, ни у кого хлеба не было, а картошки тогда еще не знали. Репой, капустой не прокормиться всю зиму. Тяжкие ждали всех времена. До Рождества еще кой-как дотянули, а после Нового года ох и туго приходилось! Хлеб был ужасно дорогой, его не ели даже по воскресеньям, о мясе все давно позабыли. В избы пришла нищета и болезни. Народ парил хвоею и старые кожи, пекли лепешки из коры деревьев; от такой еды животы пучило, люди болели и умирали, будто мухи.

Худо пришлось и семье Иржика.

За мокрое лето мама мало что смогла припасти, не заработал и Иржик на своей волынке — не до музыки людям было, даже на Масленицу никаких гуляний не устраивали, люди сидели по домам и носа не казали. Но хуже всего стало к весне, когда снег понемногу начал сходить. Все продали, что было в доме, осталась одна волынка.

Не раз Иржик, глядя на бледные лица своих братьев и сестричек, на их тонкие, будто из воска, ручки-ножки, на озабоченную маму, собирался продать свою волынку. Наконец взял он ее и пошел в город: не мог больше слышать жалобные просьбы ребятишек дать чего-либо поесть.

«Может, купит кто мою волынку, — думал Иржик, — такой инструмент где попало не найдешь!»

Да не нашлось покупателя и в городе на его волынку. И в городе был голод, до волынки ли тут было!

Но дали ему в городе добрый совет, спасибо им.

— Возьми свою волынку и ступай в Баварию, на немецкую сторону. Там лучше уродились хлеба, нету голода, может, продашь ее кому.

Добрый совет дороже денег. Иржик послушался. С тяжелым сердцем простился с родными и пошел через горы на немецкую сторону.

«Кабы продал я волынку здесь, на нашей стороне, может, потом, когда придут лучшие времена, смог бы выкупить ее обратно, а ежели продам в Баварии, то уж прости-прощай, не видать мне ее боле».

Да ничего не поделаешь.

Мама дала ему в дорогу кусок последней лепешки из коры. Повесил Иржик волынку на плечо и отправился в путь.

Вышел он ранним утром — солнышко едва вставало над горами, красное, кровавое. На перевале клубился легкий туман. Все показывало на ясный день.

Поднялся Иржик на перевал и присел перекусить на краю поляны. Солнце поднялось уже высоко и сильно грело, ручеек журчал, лес шумел. Иржик сел на камень, достал свою лепешку, откусил кусок, ест, смотрит на красоту вокруг и думает: «Что проку от здешней красоты, коли в долине народ так сильно бедует и голодает?»

И вдруг слышит голос за спиной:

— Вкусный хлебушек? Не дашь ли и мне попробовать?

Оглянулся Иржик и увидал позади себя белого как лунь старичка, старенького-старенького, с бородой, совсем согнувшегося.

— Вам тоже поесть охота? Давайте поделимся, — улыбнулся Иржик и разломил лепешку пополам, протянул второй кусок старичку.

— Ты добрый парень, — похвалил его старичок, когда они съели лепешку. — Сердце у тебя доброе. Далеко ли путь держишь?

Иржик рассказал ему все, как есть. Старичок выслушал и говорит:

— За твою доброту я тебе тоже добром отплачу. Хотел я тебя испытать, когда хлеба попросил. Пойдем со мной!

Иржик молча поднялся и пошел за старичком по поляне, по высокой уже траве, и дошли они до голого утеса. Старичок постучал по скале, она открылась, и он вошел в нее со словами:

— А ты погоди меня здесь. Я скоро вернусь.

Иржик стоял разиня рот и не успел его захлопнуть, как старичок вернулся. Иржик еще больше удивился, увидя в руках у старичка волынку, в точности такую, какой была и его, как будто и эту сработал старый Больф.

— Давай меняться с тобой. На тебе эту волынку, а мне отдай свою. Когда начнешь на ней играть, увидишь, что не прогадал.

Взял Иржикину волынку и исчез в скале, Иржик даже поблагодарить его не успел.

Постоял Иржик, постоял, поглядел на волынку и подумал: «Волынка как волынка. На своей-то я уж привык играть, а как на этой получится, кто его знает? Надо попробовать».

Огляделся Иржик — не видать ли где рядом охотника, чтоб потом не заругался, что Иржик своей игрой зверя насторожит и отпугнет, опоясался ремнем, надул мех и заиграл.

Только начал играть, и снова рот разинул: из дудки посыпались монеты — дукаты, талеры, кроны, целая кучка насыпалась.

— Господи! Правда ли то, что я вижу? — закричал он вне себя от радости.

Оглянулся вокруг — не видать ли старичка, но никого не было на поляне, только лес шумел да монеты сверкали на солнце. Сообразил тогда Иржик, что за подарок получил он. Распихал деньги по карманам, подхватил чудесную волынку и помчался домой бегом. Как только ноги не переломал на корягах да на пнях!

— Мама! Мама! — закричал он с порога. — Конец нашим бедам!

— Да что с тобой, в своем ли ты уме? — проговорила мать, когда он, весь потный да встрепанный, вбежал в избу.

Иржик первым делом достал из карманов деньги, а потом все в подробностях рассказал, а чтобы подтвердить сказанное, сел на лавку и заиграл на волынке, и оба они смотрели с глупым видом на монеты, что сыпались из волынки, текли серебряным ручейком и раскатывались по полу. Тут мама спохватилась, подставила свой фартук, и Иржик наиграл ей полный фартук денег.

И вправду беде и нужде пришел конец.

На другой день накупили они в городе вдоволь всякой еды (за большие деньги все там можно было достать!), новую одежду себе, и соседям, и обоим своим учителям, никого Иржик не забыл, огорчился только, что старичка из скалы отблагодарить он никак не может.

Да недолго длилось их счастье!

Обо всем дознались не только жители деревни, но и благородный граф из замка Трэннов.

А был тот благородный граф страсть какой жадный до денег, удавиться готов был ради них, а уж подневольных крестьян невесть как прижимал, обдирал без ножа. Узнал он про чудесную волынку и сразу подумал: «Вот это для меня!»

И тотчас послал своих слуг и мушкетеров, чтоб немедля доставили к нему Иржика вместе с волынкой в замок, а все деньги, какие у него дома найдут, забрали. Потому как он в своих владениях никакой крамолы не потерпит, никаких волшебных волынок!

Ворвались графские слуги в избу к Иржику, все вверх дном перевернули, забрали Иржика, забрали волынку, деньги, какие нашли, и направились в замок. Ну, само собой, кой-какая монетка из найденных застряла и у них в карманах — такая уж это была бесчестная братия!

Граф выслушал Иржика внимательно, когда тот ему все начистоту выложил, и строго приказал:

— А теперь играй!

Заиграл Иржик, а граф смотрел, смотрел, и рот у него все шире и шире открывался от удивления, будто ворота.

А по полу раскатывались монеты — дукаты, талеры, кроны, и становилось их все больше и больше.

Вскочил граф, стал сгребать их в кучу, а когда Иржик доиграл, сказал граф:

— Такого допустить невозможно, чтобы простой человек владел волшебной вещью! Я не потерплю подобного: колдовство это и грех!

Напрасно Иржик просил-умолял не забирать у него волынку, после и рассердился и накинулся было на графа, да тот звякнул в колокольчик, прибежали слуги, схватили Иржика, увели, а граф крикнул им вдогонку:

— Всыпьте ему, сколько выдержит!

Побили Иржика и вытолкали взащей из замка, а волынка и деньги остались в замке.

Что ему оставалось делать?

В слезах и сам не свой от гнева вернулся Иржик домой беду бедовать.

А граф убрал денежки в дубовый сундук, запер на замок и подумал: «Буду играть всю ночь, наиграю себе денег целую палату!»

Опоясался он, как, видал, делали волынщики, надул воздуха в мех и попробовал играть.

Да не тут-то было! Не умеючи, и простую песенку не сыграешь, учиться надо, и упорно!

А у графа в руках волынка пищала, визжала, верещала, мекала да квакала. Деньги и не думали из нее сыпаться. Граф, как ни старался, аж весь вспотел в своем парике, да ничего не получилось. Понял он, что хошь не хошь, а придется выучиться играть, как ни ленив он был — всякой, самой легкой, работы не любил.

— Да ладно, — решил он после. — Захочу — велю привести сюда того малого и заставлю играть, сколько мне вздумается. А упрется — снова будет бит.

Спрятал он волынку в сундук и пересчитал деньги, так легко и неправедно добытые.

У Иржика дома скоро доели, что еще графские слуги не украли, и снова пришла нужда. Дети плакали от голода, мама вздыхала. Худо было.

И подумал тут Иржик: «Пойду-ка я схожу снова к тому старичку, может, выручит? Не оставит в беде?»

Пошел он в горы, поднялся на перевал, подошел к скале, за которой спрятался тогда старичок, и начал звать его громко, как только смог.

— Ну и чего же ты хочешь? — раздалось вдруг у него за спиной.

Иржик от испуга дернулся, оглядывается — стоит старичок, улыбается, руку ему протягивает, здоровается, спрашивает, что Иржика привело сюда.

Когда Иржик все ему рассказал, старичок вздохнул:

— Ох, господа наши владельцы... Бесчувственные они к простому люду. Не печалься: твоей беде легко помочь. погоди маленько!

И снова исчез в скале, а после вернулся с волынкой в руках, в точности такой же, как прежняя была, и говорит:

— Она только с виду на старую похожа, но на самом деле совсем другая. Помогать же умеет, как и прежняя. Бери ее на здоровье!

И исчез, будто пар после теплого дождя; как Иржик ни глядел, не увидал — куда.

А после Иржик сел на пенек поскорее, ремень надел и заиграл. И тотчас от удивления широко раскрыл глаза и весело засмеялся. Из волынки выско-чила колбаса толщиной с руку, а следом за колбасой чего только не сыпа-лось из нее: копченое мясо, вареники с капустой, пироги, пирожные, булочки, жареные гуси, утки. И каких только вкусностей не оказалось перед Иржи-ком на полянке! Шоколадки и конфеты тоже там были, само собой! Иржик перестал играть, схватил гусиную ножку, съел ее, начал хватать все подряд, до того наелся — еле дышал. Удивительное ли дело — столько ему пришлось наголодаться!

Запил он все это глотком медового питья и закричал в сторону скалы «спасибо!» старичку. После сложил все добро в платок и поспешил домой.

А дома все пошло, как и в первый раз.

Мама сперва вытаращила глаза, потом позвала ребятишек, и все наелись до отвала, набили животы.

Да недолго их счастье длилось. Молчать они не умели. Граф опять обо всем дознался, прислал своих слуг, Иржика забрали, волынку отняли да и побили снова.

А граф радостно руки потирал, что есть у него волынка, из которой деньги сыплются, и другая, которая всякую вкусную еду дает.

«Нет, придется мне самому научиться играть, чтобы не просить глупого парня дудеть на волынке!»

Приказал он привести к нему Богоуша из Мракова, и тот учил его до тех пор, пока граф немножко не научился дудеть.

Сами понимаете, что граф учился играть на простой волынке, чтобы Богоуш не догадался, для чего надобно умение играть самому графу. Научившись немножко дудеть, отослал он Богоуша домой, ни «спасибо» не ска-зал, ни чем другим не отблагодарил.

— Вот они, господа, какие: грубияны и жадные, сами ничего не умеют, все на чужой счет проехаться норовят... — ворчал Богоуш, возвращаясь домой. — Черти вас побрали б!

Сплюнул он и рад был, что целый вернулся домой к молодой жене.

А граф частенько наигрывал себе на волынке. То на той, из которой деньги сыплются, то на другой, что еду давала. Обе ему очень нравились, а что украл он их у Иржика, о том и не думал, совесть его не мучила. Он был граф, господин над крестьянами, за людей их даже не считал.

И, понятное дело, у Иржика в доме немало было слез. Мама причитала, ребятишки скулили, а Иржик говорил:

— Наша вина! Помалкивали б мы, была б волынка у нас, одна либо другая. Нет, звонить надо было на весь свет, бахвалиться! Так нам и надо!

Да что слова, пускай и самые умные-разумные, коли на зуб нечего поло-жить! Снова поселился голод в избе.

— Пойду к старичку, нечего делать, — решил Иржик, никому ничего не сказал и отправился.

Все случилось, как и в прошлый раз. Старичок невесть откуда взялся и снова исчез в большой скале, принес волынку и подал ее Иржику со сло-вами:

— Коли и эта волынка не поможет тебе из нужды выбраться, больше ни на что не рассчитывай. Но ежели ты соображаешь и мешком из-за угла не стукнутый, волынка здорово тебе поможет!

Засмеялся старичок, и только его и видели.

— Спасибо, дедушка! — закричал ему вслед Иржик, сам не свой от счастья, сел на пенек и с нетерпением заиграл. Что-то из нее посыплется на этот раз?

Да недолго он радовался. Из волынки выскочил здоровенный детина, вспрыгнул Иржику на спину и принялся его колотить и трепать!

От страха Иржик забыл, что надо перестать играть, и все перебирал пальцами на дудке, а когда уж получил столько колотушек, что и счет им потерял, спохватился и бросил играть. И тотчас детина спрятался назад, в волынку, и ни слуху ни духу его не было.

— Ну и подарочек... — почесал Иржик затылок. — Что же мне делать с такой волынкой?

Он ощупал спину, всю избитую, и задумался над словами старичка, которые сказал тот на прощание. Думал, так и эдак прикидывал, а после и сообразил: «Ну да, старичок подсказал мне, что с этой волынкой я могу те две вернуть назад! Нет чтобы прямо все выложить, уберег бы меня от колотушек! Ладно, надо попытаться придумать, как лучше все устроить».

Спрятал Иржик волынку под камнем в нору и домой пришел безо всего, маме ни в чем не признался: боялся, как бы снова до графа раньше времени вести о его новой волынке не дошли, и сказал только, что старичок не показался ему. А после всего залез Иржик на сено на чердак — хотел как следует все обдумать без помех.

На другое утро, едва солнышко поднялось над горами, проснулся Иржик, так ничего и не придумав.

«Ладно, — решил он, — что-нибудь да придет в голову».

Ощупал свою спину и направился в Трановский замок.

А там все было вверх дном: слуги убирались, мыли, переставляли мебель.

Граф задумал похвастать перед соседними господами и созвал к себе на угощение баронов, графьев, князей, духовную знать с их супругами и бледными дочерьми. Поварам запрещено было что-либо готовить к балу, граф объявил — мол, об угощении он позаботится сам.

Обо всем этом услышал Иржик в замке, и тут ему — тук-тук! — и постучалась мысль в голову.

Пошел он на перевал, где оставил в норе свою третью волынку, вынул ее и с ней пошел в замок, спрятав под одежей. А в замке суматоха была пуще прежней: приезжали благородные господа, слуги вносили баулы да корзины гостей. Иржик тоже схватил какой-то сундучок — и быстрее в замок. По коридорам замка сновали слуги, гости, все толкались, никто на Иржика не обратил внимания. А он знал уже, куда ему идти. Граф внизу встречал гостей, и Иржик беспрепятственно вошел в его покои, открыл дубовый сундук, достал обе свои волынки, а третью положил на их место. Засунул обе волынки за пазуху и убрался прочь из замка.

Никому из замковых слуг и в голову не пришло, чтоб крестьянский парень посмел зайти в покои, а Иржик прибежал домой, забрал маму и всех ребятишек, и они бегом из деревни, чтобы граф их не поймал.

В замке еще никто ничего не знал. Гости умывались и наряжались после дороги, собирались в большой зале и рассаживались за столами. Граф поспешил к себе, схватил верхнюю волынку из сундука, не заметил даже, что второй-то и нету, подумал, что из этой еда всякая выходит, и скорей назад, в залу.

«Ну, сейчас я всех удивлю, — тешил он себя заранее. — То-то все будут мне завидовать!» — смеялся граф.

Господа же, увидав хозяина с простым мужицким инструментом на плече, подумали, что чудит благородный. А он позвякал серебряной ложечкой по бокалу, что перед ним стоял, поднялся за столом и начал речь держать:

— Благородные дамы и господа, гости мои дорогие! Пригласил я вас сегодня к себе на угощение, но повара не посмели ни варить, ни жарить, ни печь. Я сам сейчас буду вас угощать. Внимание! Вас ждет большой сюрприз!

Он надул мех на волынке, прижал его и заиграл!

Граф-то рассчитывал, что сейчас посыплется всякая вкусная еда, господа только будут тарелки подставлять и кричать ему «ура».

Считал-то он считал, да просчитался!

Едва он заиграл, выскочил из волынки здоровенный детина, за ним второй, третий — на каждого гостя да его женушку и дочку по детине, — и начали они гостей охаживать по чему попало.

Все закричали:

— Караул! Помогите!

Дамы падали в обморок, девицы пищали, господа попрятались за стулья да под столы, а хозяин, вытаращив глаза да разиня рот, не мог в толк взять: что ж это за страсти такие творятся? Он уж и играть бросил, да волынка сама играла; когда всех изрядно отмолотили, граф кое-как снял волынку с плеча и остановил ее игру. А после как треснет волынкой об пол, только щепочки от нее остались да вякнула она жалобно напоследок.

Этим дело не кончилось!

Приглашенные господа рассердились на хозяина, подумали, что он нарочно все подстроил — и еды никакой не приготовил, и отколотил всех ни за что, — и набросились на него всем скопом. Чего граф от детей недополучил, гости ему добавили, а потом все скорей, скорей бросились к своим каретам, поспешили прочь из замка, чтобы их не догнал никто и не побил снова.

Ну и, само собой, обиженные господа не смолчали, всюду о том рассказывали.

А вот кто вдоволь потешился над господской незадачей, так это крестьяне и графские работники.

Спервоначально граф сидел и ничего не понимал, а потом хлопнул себя по своему благородному челу и побежал наверх, в свои покои. Поднял крышку на сундуке и видит — второй волынки как не бывало, а вместо денег, что он у Иржика забрал да сам наиграл, на дне лежат козьи орешки.

— Проклятый парень! — взревел он так, что стекла в окнах задребезжали и по всему замку гул пошел. — Ну, ты у меня попляшешь, я так дело не оставлю!

Выскочил граф из покоев и заорал на слуг, чтоб скорей догоняли Иржика, а сам впереди них побежал, будто бешеная собака, злой, и прямоком в Иржикину избу. Да изба пустая была — птички улетели. Что толку было орать, ругаться, лупить слуг и всех, кто под руку попался! На смех графа подняли, по всему королевству о его сраме весть разнесли, на другом конце королевских владений о том со смехом друг другу рассказывали.

Что ему после всего оставалось делать?

Уполз он к себе, как побитый пес, и носа никуда из замка не казал. От злости и расстройства заболел он и недолго прожил. Никто его не жалел,

никто по нем не заплакал. Владения его приобрел себе другой господин, тот был к людям малость добрей. Иржик мог теперь не бояться мести и вернулся домой со своими родными.

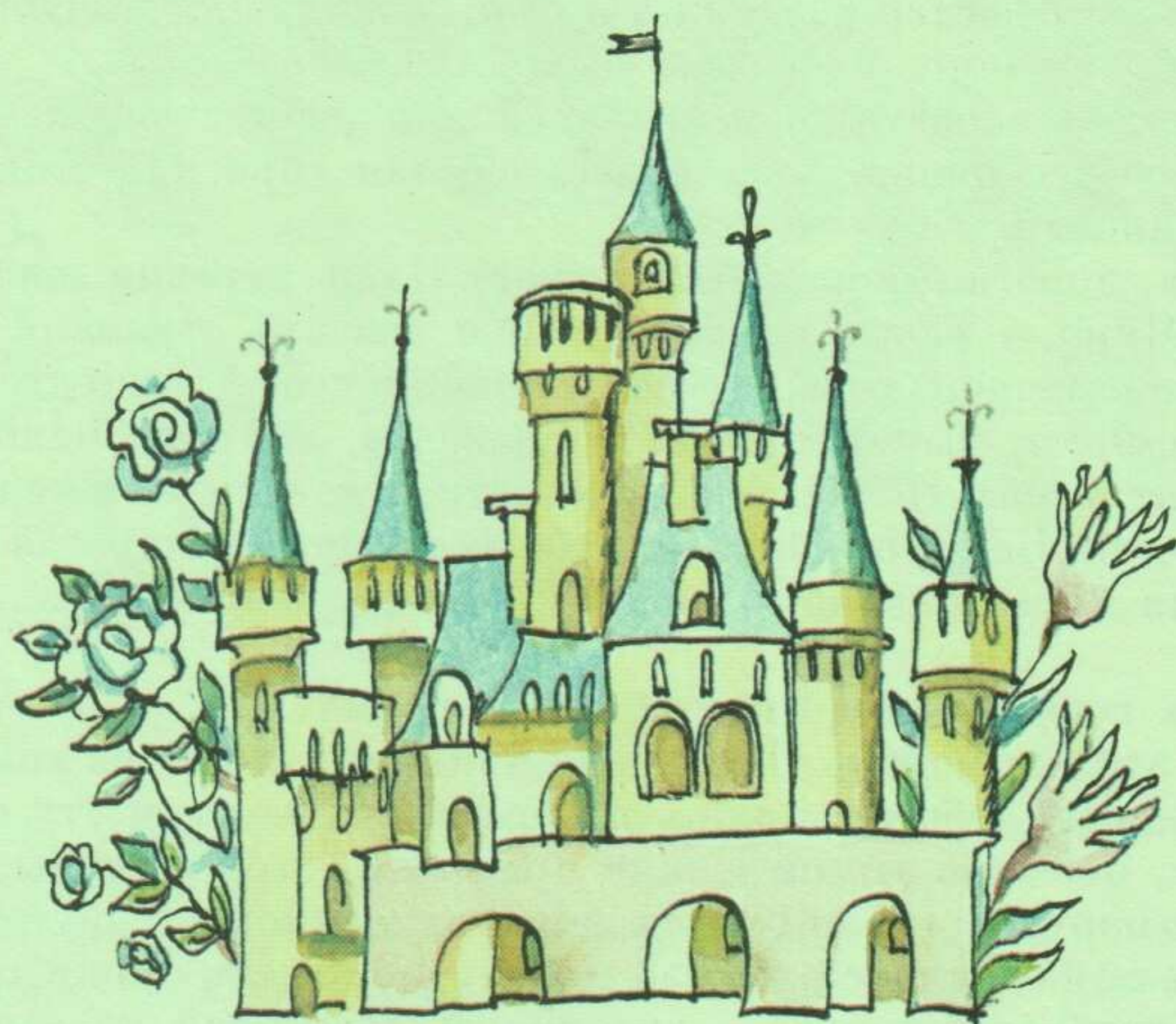
Больше они не бедовали. Помогал Иржик и соседям, приятелям-музыкантам, потом были урожайные годы, люди встали на ноги, зажили получше, и пришел однажды к Иржику в избу, что совсем другая была, новая и красивая, тот самый старичок. Он принес старую волынку Иржика, поздоровался, пожелал всем доброго здоровья и сказал:

— Тебе я помог, давай меняться назад!

Взял он свои волынки, вернул Иржику его, сказал, чтоб Иржик еще немного наиграл себе дукатов про черный день, попрощался и исчез в лесу. Больше никто его не видел в округе.

А Иржик зажил безбедно. Женился на хорошей, работающей девушке, милой и пригожей, родилось у них ребятишек несколько, а ежели когда неслухи сердили отца, он думал: «Ах вы негодные, вот бы вам сюда тех парней из третьей волынки — они бы вам всыпали под мою песенку!»

Но он так думал любя, и ребятишки его любили, жили они все дружно. И был на его волынке бубенец, а нашей сказочке конец.

КОЗЬЯ СКАЛА НАД ОРАВОЙ- РЕКОЙ

незапамятные времена жила над Оравой-рекой в Козьей скале горная дева, добрая волшебница. В народе любили ее, она советом, а то и грошиком помогала всем бедным людям.

И вот случилась беда: объявились вдруг на Ораве драконы лютые. Послал народ к горной деве молодого красавца Янко за советом и помощью.

Оседлал Янко лихого коня, сел и поскакал вдоль берега реки под грохот грома и сверканье молний. Подъехал он к той Козьей скале, что нависала над самой водой, слез с коня и привязал его к сломанному дереву. Потом костер разложил и стал дожидаться полуночи. Обычно горная дева об эту пору из скалы выходила.

Ровно в полночь расступилась скала, словно двери створчатые распахнулись, вышла оттуда горная дева и ласково так спросила Янко, за каким делом он пожаловал.

— Ох, беда, дорогая панна, беда у нас! Наша деревня послала меня к тебе, — начал Янко. — Такая напасть, что и сказать страшно! В горе над деревней большая пещера есть, и в ней устроили себе логово два лютых дракона. Едва стемнеет, вылетают они из пещеры, хватают наших коров да бычков и уносят к себе. Почитай, всю животину извели, нам теперь с голоду помирать остается. Вот и пришел я к тебе за помощью, дорогая ты наша заступница! Одни мы с драконами никак не сладим. Помоги ты, пожалуйста, нам.

Выслушала горная дева Янко и говорит ему:

— Знаю я этих драконов. Один сюда прилетает и вон на том косогоре, в яме, пожирает свою добычу. Ладно, ты не горюй, одолеем эту напасть. Вот возьми прутик, поезжай домой и жди драконов у той пещеры. Как только выберутся они наружу, смело садись верхом на одного, а другого прутиком погоняй. Когда они обозлятся, ты дай им прутик съесть — они тотчас дегтем разольются. Когда справишься с драконами, приезжай ко мне, получишь награду!

Сказала и скрылась в скале, и сомкнулась скала с грохотом.

Янко сделал все, как велела горная дева. Одолел обоих драконов и народ из беды вызволил. Ну вот, проходит месяц или два, Янко опять в дорогу собрался, разоделся в нарядное платье, сел на коня. И помчал его конь вдоль берега реки под Козью скалу. Прискакал туда Янко, снова костер разложил, напоил коня, а в полночь стал горную деву кликать:

— Панна волшебница, я драконов извел, весь Оравский край освободил от них, дай мне награду обещанную из своих сокровищ и для невесты моей какой-нибудь подарочек.

Задрожала земля у него под ногами, расступилась скала, и прекрасная горная дева вышла ему навстречу.

— Подойди ближе, Янко, — приветливо позвала она. — Вот тебе серебро и золото. Бери, сколько унесешь. Но мой тебе добрый совет — лишнего не бери, знай, что многих храбрецов жадность погубила. Было бы жаль тебя, ты ведь еще молодой. Тут вот и жемчуга, и камни драгоценные, возьми все в подарок невесте, но уж на другое не позарься, не то худо будет!

Янко полные карманы набрал и суму набил серебром и золотом, нахватал жемчугов и камней дорогих. Стоит озирается: чего бы еще взять? Видит — висит золотой венец горной девы, хватить и его.

Ох, беда тебе, Янко, Янко! Конец тебе!

Задрожала земля, и сомкнулась скала со страшным грохотом. Конь лихой испугался и помчался домой без седока, как вестник, что нет уже Янко в живых. Так не стало Янко.

КАМЕННЫЕ РОЗЫ

евдалеке от горы Древенік, в трех часах хода, жил со своей семьей старый каменотес. Особого достатка в доме не было, случалось и с нуждой знаться, зато имел каменотес сокровище, о котором слух шел по всей округе. Была у него красавица дочь, равной которой здесь не знали. Глаза — как две лесные криницы¹, в которые упали первые лучи солнца, руки — белые, будто снег, а стоило ей запеть — замолкали птицы, слушая ее пение, замирали кусты. Все было прекрасно у Зузки — так звали ее, — только вот сердце...

— Эй, отец, — кричала дочка поутру, — старайтесь в работе, пора мне новое платье покупать!

— Зузка, радость моя, — отвечал ей отец, — ведь мы недавно справили тебе новое платье.

— Откуда у нас такие деньги! — вмешивалась и мать.

— Нету денег — в долг возьмите, — не унималась дочь, — а платье новое купите. И бусы. Все, что я захочу!

Погладит каменотес дочку по волосам, мягким, будто лен, и вздохнет:

— Все будет у тебя, чего ни пожелаешь. Покуда сил хватит, для тебя буду стараться, нам-то с матерью много не надо.

Только Зузка вместо благодарности еще и прикрикнет на отца:

— Не трогайте меня своими грубыми руками, не то оцарапаете! Какая я тогда буду? Всю красу мою испортите.

Печальный уходил отец после таких ее речей на работу. Красива дочь, ой как красива, а сердце у ней пустое. Нет в нем ни к кому жалости. Но покуда силы есть, во всем ей потакать будет он. Думал свою невеселую думу каменотес и не увидал за работой, как огромный валун со своего места стронулся. Опрокинулся валун и привалил каменотеса. Товарищи спасти его хотели, камень подняли, а он простонал только:

— Зушку мне мою повидать бы напоследок...

Молодой каменотес побежал за Зушкой — позвать ее к умирающему отцу. Бежал что было сил, но на отцову просьбу злая дочь сказала:

— Чего я к нему ходить буду — на мои наряды он больше не заработает...

Так и не пошла, сидела на солнышке и сушила мокрые волосы.

Бедный отец, узнав про такой ответ, закрыл глаза и помер. Товарищи отнесли его домой и устроили похороны. Зузка и тут не заплакала, ни слезинки не проронила. Слезы ведь красоту портят!

Пришла в их дом печаль. Жена каменотеса по углам плакала, а Зузка,

¹ Криница — чистый лесной родник, где из-под земли бьет вода. — Здесь и далее примечания переводчика.

как и прежде, перед зеркалом красовалась, не могла своей красотой налюбоваться. А как-то раз обернулась к матери и прикрикнула на нее:

— Чего по углам сырость разводите? Ступали бы на работу. Мне новая юбка надобна. Заработайте мне на юбку! В воскресенье на танцы пойду.

— Зузка, милая! — всплеснула мать руками. — Да как ты можешь — отца ведь только-только похоронили, а ты о танцах...

— Пойду, и все, и изыщите, где денег взять, чтоб на юбку и на золотую шпильку в волоса хватило.

— Золотую? Да нешто дочки каменотесов носят золотые шпильки?

— А мне нужно, нужно! Хочу иметь золотую шпильку! — топнула сердито Зузка ногой. — Я не пойду замуж за простого каменотеса, а за богатого господина, потому золотая шпилька мне и надобна!

Что было делать бедной вдове? Нанялась она на место мужа, стала на работы ходить, тяжким молотом камни отбивать, долотом их обравнивать, красивые жилы в породе выскивала, а по вечерам гранила вазы из камня на продажу. Как ни старалась мать, как ни угождала дочери, та все была недовольна. Мать уж норовила на глаза ей поменьше попадаться, чтобы ненаглядная Зузка чего дорогого снова не запросила. А Зузка не давала матери покоя, на работу прогоняла, новых подарков хотела. Мать последние постолы¹ износила, по горам, по камням теперь босая ходила.

Идет вечером домой, еле ноги передвигает из последних сил, на острых камнях капли крови, кровавые следы оставляет. И сжалилась над матерью добрая вила² из ближнего леса, окликнула ее:

— Отчего, мать, ты так тяжело трудишься?

— Дочка меня нудит... — вздохнула мать. — Красивые да дорогие вещи просит, одежду новую, украшения разные, а какая мать своему дитяти откажет?

— Твоя правда, — согласилась вила. — Однако же доброе дитя благодарностью за это платит. Твоя же дочка злая, за это я ее накажу.

— Смилуйся, добрая вила, не карай ее! — зарыдала мать.

Но вила в своем прозрачном одеянии будто растаяла в лунном свете. Подходя к дому, мать уже издалека услышала в нем крик. Отворила она двери и едва с ног не свалилась: собственную дочь не узнала — такая она сделалась уродина, от былой красоты ничего не осталось.

— Ты, ты на меня порчу навела! — закричала Зузка. — Завидовала мне, моей красоте!

— Зузка, милая! — заплакала мать. — Как тебе такое на ум взбрело? Вила тебя покарала, когда увидала мои ноги, в кровь израненные на острых камнях.

— Вила? — удивилась дочка.

— Вила, — подтвердила мать, — я в лесу ее встретила.

— Выходит, это она красоту у меня отняла! Так сей же час чтоб вернула ее мне! Непременно!

Выбежала дочь из дому и в злости кричала всю дорогу по лесу:

— Эй, вила, где ты? Верни мне мою красоту! И ты мне завидуешь! Покажись, где ты?

— Здесь я, — отозвалась вила звонким голосом и появилась перед Зузкой. — Зачем мой полночный танец нарушаешь?

¹ Постолы — грубая обувь из целого куска кожи, стянутого ремешком.

² Вила — сказочное лесное существо, бывает и злое и доброе; по ночам вилы выходят на поляны и водят хоромы при лунном свете.

— Верни мне мою красоту!

— Не могу. Красота превратила твое сердце в камень — ни к кому нет у тебя жалости. Прежде чем вернется к тебе твоя красота, тебе надо много добра людям сделать, тогда и станешь прежней красавицей Зузкой.

— Значит, не вернешь мне мою красоту?!

— Сказала я тебе — прежде много добрых дел надо тебе сделать.

Замахнулась Зузка, ударить вилу хотела, да ведь нет у вилы тела, как у людей. Тело их — из лунного света и легких туманов, что поднимаются над лесными криницами и ручейками. Одежда их соткана светлячками из тончайшей паутины. На такую вот нежную красоту замахнулась Зузка, да злой умысел ее не удался — упала она в глубокую пропасть под утесом.

Долго ждала мать свою дочь, не дождалась и пошла искать. Своей боли не замечала, ноги на скалах кровавила.

Зашумело, зашуршало тут у нее над головой — на ветку села сова.

— Совушка-сова, не видала ты моей дочери? — спросила мать.

— Три раза весь лес облетела, многое видала, а вот дочери твоей не приметил.

— Спасибо тебе, да не помогла ты мне... — вздохнула мать и пошла дальше.

Шла, шла, а навстречу ей лиса.

— Лисанька-лиса, ищу я свою несчастную дочь. Не видала ты ее при своем ночном обходе?

— Три деревни обежала, через большой лес пробежала, семь ручьев перепрыгнула, твоей дочери не видала.

— Присоветуй, лисанька, где мне ее найти?

— Доброго совета не дам, а лихого давать не стоит, — отвечала ей лиса и убежала прочь.

— Спасибо тебе и на том, — сказала мать и побрела дальше.

Все трудней было ей идти, окровавленные ноги еле переставляла. Взяла она палку, пошла опираясь. Шла она, шла, лунный свет дорогу ей освещал, и вдруг услышала она голосок:

— Не затопчи меня!

— Кто ты?

— Мышка. Семенами клевера вечеряю.

— Про мою дочку Зузку ты ничего не знаешь? — спросила ее мать и осторожно переступила, чтоб не затоптать.

— Сама я ничего не слыхала, но, может, мои братья и сестрички чего знают, — пропищала мышка. — погоди, я сбегаю спрошу.

Мышка убежала, а вдова каменотеса стояла, опершись на палку, ждала. Прошло время, и услышала она у своих ног голосок:

— Мой младший брат видел, как добрая вила на утесе со страшной уродиной говорила. Брат до того испугался ее, что свалился прямо в нашу дыру и по сию пору дрожит.

— Ох, — простонала мать, — то была моя Зузка. Спасибо тебе.

И она поспешила вперед. Скоро дорога перешла в узкую тропку, всю усыпанную мелким камнем. После тяжелой, утомительной ходьбы нашла вдова свою дочь. Она лежала в глубокой пропасти, красивая, как и прежде.

— Зузка милая, что ты натворила! — горько заплакала несчастная мать.

— Она сама себя наказала, — отозвалась вила. — Красота обратила ее сердце камнем. Отца Зузка не пожалела, тебя замучила, за это ей пришлось умереть.

— Что я буду делать на свете одна-одинешенька? — со слезами спрашивала мать. — Сделай так, добрая вила, чтоб я осталась со своей ненаглядной доченькой.

— Пусть будет так, как ты желаешь. Любовь твоя была сильней и крепче самых твердых камней, потому будет расти и цвести на них во все времена.

Утром нашли каменотесы в глубоком ущелье мертвую Зузку и ее мать. И еще увидали на самых крепких голых камнях чудесные цветы. Они выросли из капель крови, что сочились с ног бедной матери. Каменные розы — так называли их люди. Люди берегут эти цветы, а если кто вздумает сорвать такую розу, говорят, что у него каменное сердце, как у красивой бесчувственной Зузки было.

тарые люди сказывают, будто в Залёсье прежде было большое озеро, а в нем жили богинки¹.

Обличьем похожи были богинки на людей, только вот большого пальца не хватало им на одной руке и на одной ноге, уж не знаю, на которой. А тот большой палец, что еще был на руке, они постоянно держали во рту и сосали его, так что, ежели они с кем заговаривали, трудно было разобрать, что они гугнили.

Собрались раз богинки в город на ярмарку. А чтоб веселее идти было, напевали песенку:

Фофкрефенье и фуббота,
фофкрефенье и фуббота...

Под эту песенку легче им шагалось.

Услыхала их Галька — она на ручье белье стирала, — как богинки про воскресенье и субботу поют, и крикнула им вдогонку:

— И понедельник!

Богинки останавливаться даже не стали, подхватили от Гальки припев и дальше с такой песенкой пошли:

Фофкрефенье и фуббота — понедельник!
Фофкрефенье и фуббота — понедельник!

¹ Богинки — мифические существа, бледные и длинноволосые. По верованиям жителей Карпат, это злые ведьмы; у словаков богинки более мирные создания и больше похожи на людей.

Шли, шли, а потом назад воротились. До того им новая песенка понравилась и мелодией и словами, что захотели они Гальку отблагодарить.

Подошли к горбунье и спросили: не желает ли она серебра или золота?

— Нет, спасибо, — отвечает Галька и головой качает.

— Одефу новую? — предлагают богинки.

— На что мне новая одежда, ежели, куда ни пойду, все вслед кричат: «Горбуля Галька, горбуля Галька!»

— Фто фе тогда подарить тебе, фем наградить?

— Кабы вы меня от горба избавили, от уродства моего! — попросила Галька.

— Коли профиф, пуфкай так и будет!

Взяли они ее горб, положили в нору под вербой и пошли дальше с новой песенкой:

Фофкрефенье и фуббота — понедельник!
Фофкрефенье и фуббота — понедельник!

Галька не сразу поверила в свое счастье. Богинки далеко уже ушли, не слышать было, тогда только побежала радостная Галька домой.

У Гальки была злая мачеха. Как увидела она, что Галька избавилась от горба и стала во сто раз краше ее собственной дочери, начала Гальку бить и допрашивать, куда она горб девала, кто ей красоту наколдовал.

— Говори, горбуля, не то убью насмерть!

Галька во всем призналась мачехе: как стирала она на ручье, а по дороге шли на ярмарку богинки и пели про субботу да воскресенье, а она им про понедельник подсказала.

— Осерчала я на них — сегодня будний день, а они про субботу да воскресенье поют — и напомнила, что нынче понедельник. А им понравилось, стали они мне серебро да золото сулить, одёжу красивую и уж не знаю чего, а я попросила только, чтоб они меня от горба избавили.

Услыхала мачеха, засмеялась:

— Нешто ты, горбуля, чего путного додумаешься попросить! Вот уж пошлю я свою красавицу, она кой-чего получше выпросит!

Едва развиднелось, прогнала она дочку на ручей стирать и наказала:

— Как пойдут мимо богинки и запоют про субботу, воскресенье и понедельник, напомни, что нынче уже вторник. А в награду проси золота поболее, платье выходное и лошадей для выезда, все проси, чего ни надумаешь.

С такими напутствиями дала она дочери одну сорочку, валёк¹ и выдворила на ручей.

Стирает мачехина дочка на ручье сорочку, стирает, вальком отбивает, руки заныли от усердия. После уж и присела, богинок дожидаясь, а их нет как нет.

— Тьфу ты, обманула нас Галька! — рассердилась она и ногой притопнула, собралась идти домой.

И тут — что это?

Снизу из долины донеслась песня:

Фофкрефенье и фуббота — понедельник!
Фофкрефенье и фуббота — понедельник!

Богинки из города возвращались, удачно, видно, на ярмарку сходили.

Вошла девка поскорей в воду, стала сорочку вальком колотить — и ну колотит, того и гляди, порвет. Когда богинки запели: «Фофкрефенье и фуббота — понедельник!», она, не дожидаясь, когда они до конца допоют, закричала им:

— И вторник! И вторник!

Богинки подхватили на ходу:

Фофкрефенье и фуббота — понедельник и вторник...

Да не получалась у них песня со вторником, только с шагу их сбивала, и богинки рассердились. Обступили они мачехину дочку и допытывались, не она ли им про вторник подсказала.

¹ Валёк — деревянная колодка с ручкой, которой колотят белье, когда стирают или выполаскивают, чтоб меньше отжимать его руками.

Мачехина дочка — от радости рот до ушей, дескать, сейчас богинки богато одарят ее — льстивым голосом отвечала:

— Я, я вам про вторник подсказала и хочу, чтоб вы...

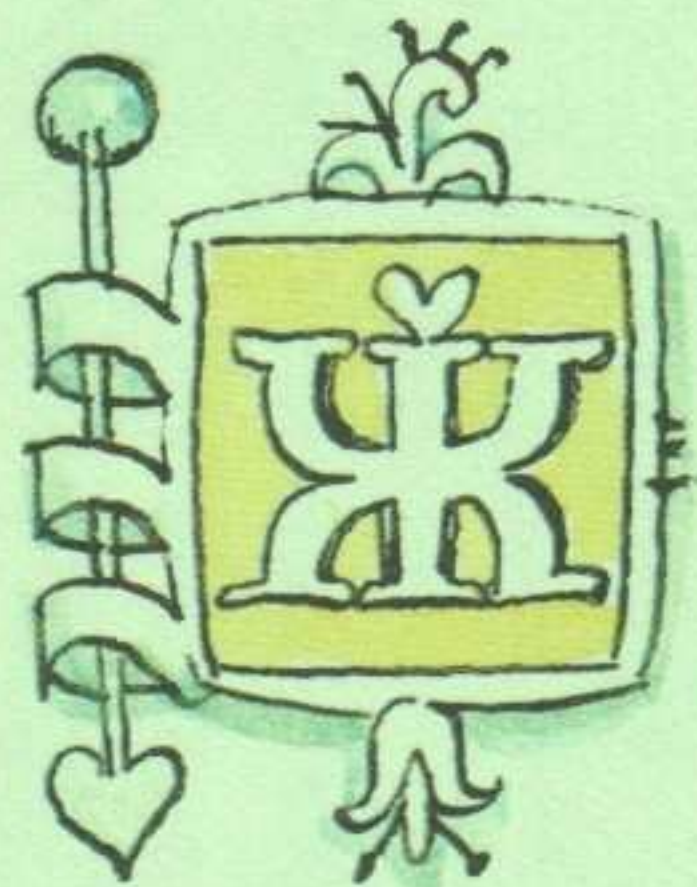
Не успела она пожелание выговорить, богинки вытащили горб из-под вербы и бросили ей на спину.

Фофкрефенье и фуббота — понедельник... —
пропели они и насмешливо добавили:

и вторник!

С тем и скрылись с глаз.

Мачехина дочка потащилась со своим невиданным даром домой и за всю жизнь так от него и не избавилась.

ила в Кленче ленивая девица, неопрятная растрепанная, и звали ее все ленивая Маня. Она ничего не хотела делать — ни варить, ни стирать, ни по хворост в лес ходить, ни молотить, ни в поле работать. Нравилось ей валяться, ворон ловить, перед зеркалом красоваться, а главное — вкусно есть и пить. Сами понимаете, у нас так не проживешь: без труда, как говорится, не вынешь и рыбку из пруда. Покамest жила Маня с отцом и матерью, еще куда ни шло, кормили ее родители, а как прибрал их Господь, худо Мане пришлось. Досталась, правда, Мане в наследство крепкая изба, да скоро не стало ее. Проела да пропила ее Маня, наряжалась, на танцы бегала, но ни один парень во всем Кленче не захотел жениться на Мане, на ленивой бездельнице, и скоро не знала она, как ей жить, с чего.

Сидела она так однажды и мозговала: как устроиться, чтоб, не трудясь, хорошо жить? Думала, думала да и заснула крепким сном. И видит она во сне, что пришел к ней старичок, встал перед ней и заговорил.

— Отчего ты, Маня, такая задумчивая? Али беспокоит что? — ласково спросил ее старичок.

Маня и выложила ему всю правду, что проела она уже и дом и поле и не знает теперь, как дальше быть.

Старичок выслушал ее со вниманием, покачал седой головой и говорит:

— Золотая ты моя, тут тебе ничем не разжиться, ступай в такие края, где живут люди вроде тебя, сидят, поджавши руки, работы боятся.

— Ой, дедушка, выходит, где-то на свете и еще есть такие? — обрадовалась Маня.

— Само собой, и немало их. Все они живут в стране Фуньдуньплиюндии, никто там ничегошеньки не делает, а кто самый что ни на есть ленивый, становится королем либо королевой той страны.

— Где же та страна? — вскочила Маня, а уж про себя видела, как стала там королевой.

— Путь до нее неблизкий, она за девятью горами, девятью долами, где заходит солнце и куда ворон костей не заносил, — ответил старичок и словно сквозь землю провалился.

— Это неспроста мне привиделось, не иначе — указание свыше. Нельзя мне послушаться его, — сказала себе ленивая Маня.

На последние деньги купила муки и прочего, напекла пышных булочек на дорогу, взяла в руки палку, в карман — ножик, ни с кем не попрощалась и пустилась прямо на заход солнца.

Перебралась она через гору, прошла леса и доли, шла она, шла и уже с грустью смотрела перед собой: булочки все съела давно, ноги еле переставляла и все только знай считала горы. Наконец на девятый день перевалила она через девятую гору и увидела равнину, плоскую, будто стол, а на той равнине город, большой, вроде Праги, и повсюду там на траве сидели и лежали люди, потягивались и зевали, разворачивали бумажные свертки, доставали куски мяса, пироги, шоколад. Обрадовалась Маня, приободрилась и сказала себе: «Видать, это и есть тот самый дивный город в дивной стране, где люди не трудятся. Но для верности все же спрошу».

— Мил человек, — обратилась она к первому же встречному, — скажите, где это я очутилась?

Тот и носом не повел, сидел пень пнем, резал ветчину, кидал в рот куски и жевал, только уши шевелились. Потом уж, подумав, нехотя приподнял ногу и ногой указал на столб, выкрашенный белыми, красными и синими полосами.

Маня подняла глаза и прочла надпись на столбе:

РЕСПУБЛИКА ФУНЬДУНЬПЛЮНДИЯ

— Ой, — завизжала Маня, — вот я и прибыла!

Села она под тем столбом отдохнуть и вокруг оглядеться, прежде чем дальше идти. Очень ей пить захотелось, и она тотчас услышала, как ручеек журчит. Глядит — стоит столбик, а на нем фарфоровые чашечки на крюках висят.

«Первым делом напьюсь», — подумала Маня и потащилась к столбику с кружками над криницей, сняла одну, зачерпнула в кринице и не поверила: там текла не вода, а кофеек! Да вкусный какой!

Посмотрела Маня получше и увидела, что вокруг криницы не мусор да камни валяются, как у нас порой водится, а разложены булочки, рогалики, пирожки, пончики да печенье. Выбирай, что кому по вкусу!

— До чего же славно! — засмеялась Маня.

Подкрепилась она, рот утерла, отдохнула и стала думать: «Хорошо позавтракала! Надо поглядеть, что еще стоит попробовать да и вообще чем тут можно разжиться».

Зевнула Маня, потянулась, встала и, переваливаясь, будто утка, двинулась в город.

Повсюду видела она красивые дома, а перед домами красивые сады и палисадники, а в них вместо капусты и репы, посаженных на семена, росли диковинные, невиданные деревья, и ограды вокруг садов не из деревянных планок были, а из колбасок, сосисок да сарделек, столбы же у ограды тоже были не деревянные, а из толстенной колбасищи.

В этих садах распевали птички и звали ее:

— Маня! Маня! Поди сюда! Поди сюда! Не бойся! Оторви себе колбаски или чего еще и ешь! Пора завтракать — скоро девять!

Сами понимаете, два раза приглашать Маню не надо было. Вспомнила она, как в родном Кленче не смела ни чужое, хоть и упавшее, яблочко поднять, ни сливу в чужом саду сорвать — хозяева сразу крик поднимали и ругались, грозились, — а тут она приглядела себе ливерную колбаску длиной с руку и оторвала от забора, и надо же, на ее месте тотчас выросла новая, пожалуй, даже подлинней прежней.

Маня только подивилась про себя и поняла, почему в этом городе все можно брать и рвать, — тут сразу все заново отрастало. И Маня принялась за колбаску, только за ушами у нее трещало. Она всегда любила ливерную колбаску особенно, а тут попалась до того душистая и свежая, с кореньями, что Маня мигом ее умяла и стала озираться по сторонам: чем бы запить?

Стоило ей об этом подумать, как увидела она у забора колонку с длинной рукояткой. Качнула она разок-другой, напилась и прямо у колонки свалилась и уснула.

Не знала Маня, сколько проспала, и проснулась от какого-то звона.

— Что за звон, люди добрые? — спросила Маня.

— Да это же к обеду звонят, полдень! — смеялись вокруг нее все и смотрели, чем бы пообедать.

— Господи, это что же, я проспала до самого полудня? — поразилась Маня. — Верите ли, люди, снова есть хочу, так и сосет под ложечкой.

— Ну и ешь себе, оставь нас в покое, — отмахивались от нее прохожие. — Вона — еда сама тебе в рот лезет.

Не успела Маня присмотреть себе чего на обед, как тут — бац! Прямо перед ней упал в траву здоровенный вареник, что у них кнедликом называли, и какой кнедлик! Не из темной муки, а из самой беленькой, пшеничной!

Сердце Манино возликовало: увидела она у себя над головой на дереве полно таких же кнедликов. Тот, что она откусила, оказался со сливами. После сладкого Мане захотелось остренького. Посмотрела она в сторону, видит: слева ручеек из мясного соуса с луком течет, а справа — тушеная капуста в прудике.

— К этому соусу да к капусте свиная отбивная в самый раз пришлась бы! Вот пир бы у меня был! — закричала Маня и тут же услышала:

— Ну и отрежь себе, чего медлишь?

И правда: прямо перед собой увидела она целого жареного поросенка, с румяной корочкой, в боку которого торчали вилка и нож.

— Господи, что за райское житье у вас, люди добрые!..

Маня ела и нахваливала, и жир стекал у нее по подбородку.

После жирной еды пить охота, и Маня, утершись фартуком, напилась из красивого каменного фонтана минеральной воды, зачерпнув ее стеклянной кружкой в разводах.

И опять стала ее одолевать дремота. Маня далеко не пошла, растянулась

рядом на траве, подумала блаженно: «Ну и житуха!» И захрапела так, будто дрова пилила:

— У-у-у-хр, у-у-у-хр!..

Бог ведь сколько она проспала бы, если б не разбудило ее благозвучное пение, какого она в жизни своей еще не слыхивала. Стала она во все стороны головой вертеть — чуть шею себе не свернула! — глаза протирала, но ничего не увидала.

— Люди добрые, скажите на милость, кто это так красиво выводит? — спросила Маня, до того ее любопытство разобрало.

— Наша золотая райская птица, — отвечали ей со всех сторон.

— Где же сидит она?

— Да вон на стеклянной горе.

Посмотрела Маня в ту сторону и чуть не ослепла. Увидала она золотую птицу — с золотыми крыльями, золотыми перьями на хвосте: птица светилась, будто солнышко, и била крыльями о стеклянную гору, так что вокруг раздавался серебряный звон, словно перебирали струны арфы, и перья золотыми лучиками сыпались вниз.

«Ой, мне бы хоть одно такое перышко, я б себе в волоса воткнула, то-то была бы красота!» — У Мани даже руки засвербили, до того перышко золотое заиметь хотелось. Стала она расспрашивать, как подобраться к птице поближе, чтобы лучше ее слышать, а про то, что задумала перышко украсть, промолчала Маня.

— Тебе придется поспешить, потому что перед самым заходом солнца птица спрячется, — советовали ей одни.

Другие же упрекали:

— Отстань, чего все говоришь да говоришь, нам лень тебе отвечать. Послушай птицу либо спать ложись! Умолкни только, нам есть-дремать не мешай.

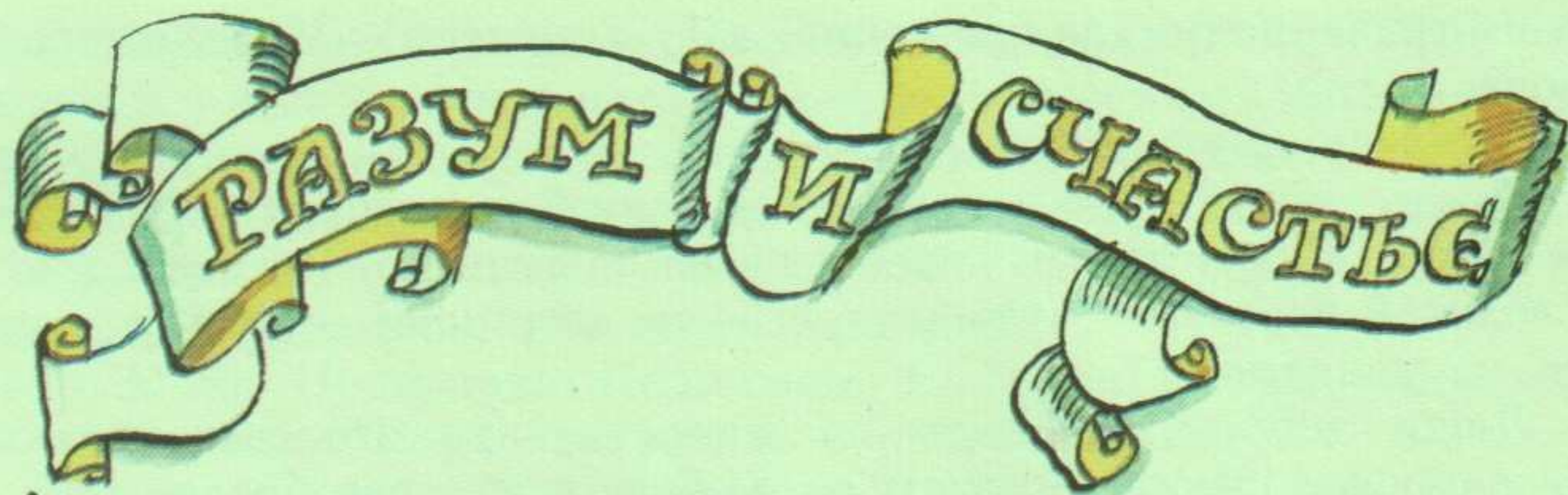
Маня замолчала, но птица не шла у нее из головы. Маня и сама любила петь и наряжаться, а сейчас, выспавшись и насытившись, решила не мешкая сходить на стеклянную гору и направилась напрямик на запад.

Она поспела вовремя, услышала пение птицы вблизи; ее голосок серебряными ручейками разливался по стеклянной горе, и огненными стрелами брызгало от птицы золотое сияние, слепя глаза. Подивилась Маня на всю эту красу невиданную, поплевала на руки и стала карабкаться на гору, как по стеклянной крыше. Ноги у нее разъезжались, словно на льду, руки соскальзывали, как будто она масленую сковороду хватала, не за что было толком уцепиться, но Маня упорно лезла, упиралась коленями, налегала животом; чем выше, тем гора становилась круче, но Маня ползла.

И что вы думаете — добралась-таки до верха, и в глазах у нее зарябило от золотого сияния. «Вырву у нее самое длинное перышко», — подумала Маня, протянула руку да и поскользнулась.

Не удержалась, покатила с горы вниз, будто по мылу. Хваталась она руками, ногтями, зубами, но удержаться не могла и кричала от страха, пока — хлоп! — не упала на землю. Только земля прорвалась, как паутина, и Маня полетела дальше. Вот и родной Кленч внизу под ней, и изба ее, развалюха. Очнулась Маня на завалинке своей избенки.

Огляделась с удивлением, протирает глаза, нет, в самом деле, она в родном Кленче, на башне как раз звенел колокол, а на корове — бубенец, тут и сказке конец.

ошлись однажды Разум и Счастье на узком мостке над рекой.

— Уступи мне! — говорит Счастье.

Разум тогда молодой был, зеленый совсем, не знал, кто кому уступать должен, и заспорил:

— Почему я буду тебе уступать? Чем ты лучше меня?

— Тот лучше, кто больше может, — отвечает Счастье. — Видишь — вон пашет молодой крестьянин, войди в него, будет ему с тобой лучше, чем со мной, — всегда

впредь буду уступать тебе дорогу, где бы мы ни встретились.

Разум согласился и вошел в голову крестьянина. А парень, набравшись разума, стал им раскидывать:

— Что ж это я, так до самой смерти все и буду за плугом¹ ходить? Я могу и в чем другом счастья попытать.

Бросил плуг и пошел домой.

— Отец, — говорит, — не по душе мне крестьянская работа, лучше я займусь садовничеством.

— Ты что, разум потерял? — рассердился отец, но после, поразмыслив, согласился: — Будь по-твоему, коли хочешь, Ванек. А изба достанется тогда твоему брату.

Ванек не печалился об избе, пошел он в обучение к королевскому садовнику. Не больно-то много садовник рассказывал ему и показывал, больше Ванек доходил до всего своим умом. Скоро и вовсе перестал слушать садовника, делал все по-своему. Поначалу садовник недоволен был, но, увидав, что у ученика лучше получается, успокоился.

— Вижу я, ума у тебя больше моего, — сказал он и не мешал Ванеку делать все, как тот хотел.

За короткое время стал королевский сад дивно красивым, и не раз король со своей дочкой прогуливался здесь.

Королевская дочка была красавица, да вот беда — с двенадцати лет онемела и совсем не говорила, никто от нее слова не слышал. Печалило это короля, и велел он объявить по всему королевству: кто сможет заставить ее заговорить, тому он отдаст ее в жены.

Немало соседних королевичей, князей и прочих знатных молодых людей пробовали разговорить королевну, да с чем приходили, с тем и уходили, ни один не заставил ее говорить.

«А не попробовать ли и мне, не попытать ли своего счастья? — задумался Ванек. — Может, удастся ее так спросить, что она поневоле ответит?»

¹ Плуг — широкий стальной нож-лемех, которым рыхлят, пахут землю, придерживая за две длинные ручки. Тянут плуг обычно лошади или волы.

Велел он доложить о себе королю, и его ввели в покои королевской дочери, а вместе с ним пришел и король со своими советниками.

У нее была красивая маленькая собачка, к тому же очень разумная, все понимала, чего хотела королева.

Когда Ванек и король с советниками вошли, Ванек держался так, будто и не видел королевны, а заговорил с ее собачкой:

— Слыхал я, песик, что ты весьма разумен, вот и пришел к тебе за советом. Трое нас, подмастерьев¹, шли через лес, один резчик, другой портной и я. Пришлось нам заночевать в лесу. Опасаясь волков, развели мы костер и договорились, что по очереди будем спать, а один всегда будет на карауле. Первым караулил резчик; чтобы скоротать время, взял он чурку и вырезал из нее панну². Закончив работу, разбудил он портного, караулить. Увидел портной деревянную панну и спросил: «Что это?» — «От нечего делать стал я вырезывать из чурки панну, а теперь и ты можешь время скоротать и одеть ее».

Достал портной ножницы, иголку и нитки, раскроил платье и сшил. Когда платье было готово, одел он панну и позвал меня, чтобы я теперь караулил. Я, как и он до того, спросил: «Что это?» — «Видишь ли, резчик от нечего делать вырезал из чурки панну, я одел ее, а ты от нечего делать научи ее говорить». Я и вправду научил ее до утра говорить. Но утром, когда проснулись мои товарищи, каждый захотел взять панну себе. Резчик сказал: «Я ее сделал». Портной: «Я ее одел». А я свое право на нее защищал. Скажи же, песик, кому из нас должна принадлежать панна?

Собачка молчала, но вместо собачки заговорила королева:

— Кому же, как не тебе? Чего стоила резникова панна без жизни, портновская — без одежды? Все это верно, но ты дал ей наилучший дар — жизнь и речь, она по праву твоя.

— Ты сама решила свою судьбу, — сказал Ванек. — Я тоже дал тебе новую жизнь — дал речь, и ты принадлежишь мне по праву.

Тут заговорил королевский советник:

— Его величество король богато наградит тебя за то, что тебе удалось развязать ей язык, но жениться на ней ты не можешь, потому что ты простого звания.

И король ему поддакнул:

— Ты простого рода-звания, вместо дочери получишь богатое вознаграждение.

¹ Подмастерья — ученики, выучившиеся какому-либо мастерству, но еще не имеющие большого опыта, не ставшие настоящими мастерами своего дела.

² П а н н а — девушка.

Только Ванек не желал и слышать о награде и сказал:

— Король обещал отдать в жены свою дочь любому, кто заставит ее снова заговорить. Королевское слово — закон, и ежели хочет он, чтобы и другие его законов не нарушали, должен сам первый их выполнять. И должен отдать свою дочь мне.

— Слуги, вяжите его! — вскричал королевский советник. — Всякий, кто посмеет утверждать, будто король что-то кому-то «должен», оскорбляет его королевское величество и заслуживает смерти! Ваше величество, прикажите, пусть преступник будет наказан!

И король произнес:

— Да погибнет он от меча!

Ванека тотчас связали и повели на казнь.

Пришли они к лобному месту, а там уже Счастье сидит-дожидается и говорит тихонько Разуму:

— Видишь, до чего ты человека довел, еще немного — и он жизни лишится! Уступи мне место.

Разум уступил место Счастью, и у палача сломался меч возле самой рукояти, будто отсек кто-то. Пока принесли другой, прискакал из города на коне герольд¹ с трубой. Он летел на своем коне и весело трубил, размахивая белой хоругвью², а следом ехала королевская карета за Ванеком.

А все случилось так: королевна упрекнула отца — дескать, Ванек говорил чистую правду, королевское слово нерушимо, а ежели Ванек низкого звания, не дворянин, а крестьянин, то это дело поправимое: в королевской власти сделать его хоть бы и князем. Король согласился.

— Ты права, и пусть будет Ванек князем!

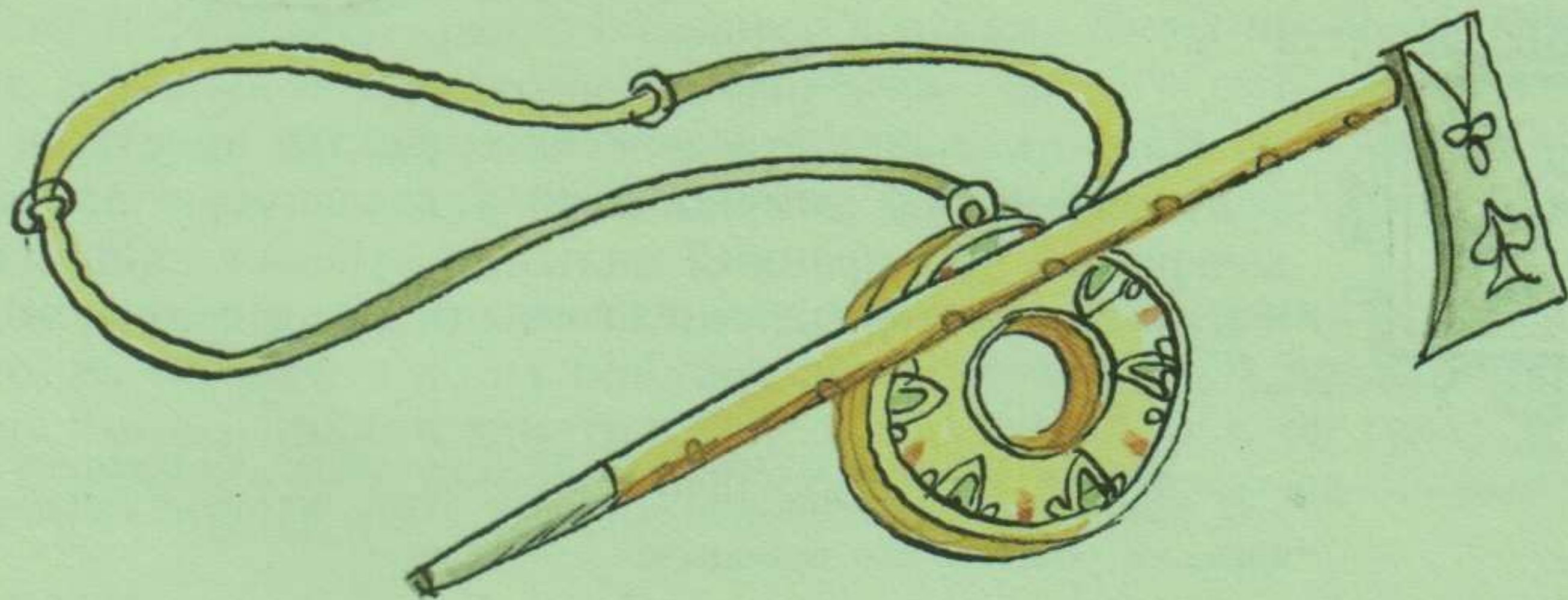
Тотчас послали за Ванеком карету, а вместо Ванека казнили советника, который королю не то под руку сказал и склонял короля против Ванека.

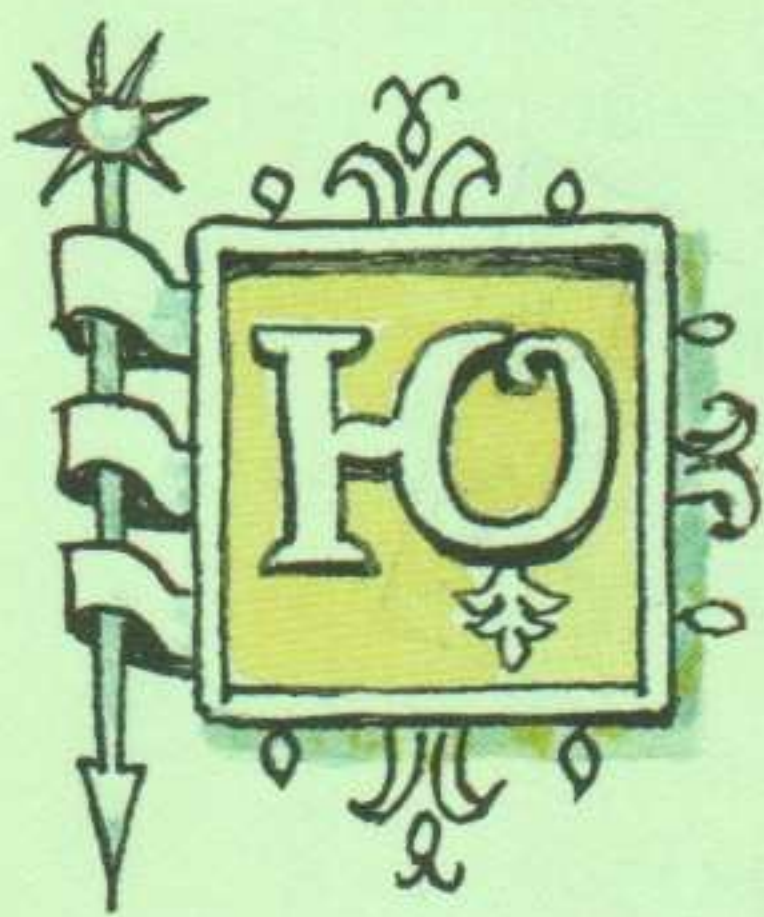
Когда же королевская семья и Ванек со своей женой-королевной ехали с венчанья, повстречался им по дороге Разум. Видя, что супротив него едет Счастье, Разум опустил голову и отбежал в сторону, словно его ошпарили.

С той поры, сказывают, Разум, встречаясь со Счастьем, уже издали сторонится его, уступает дорогу.

¹ Герольд — королевский вестник; герольды на конях с трубами рассылались с королевскими распоряжениями по всем владениям и сообщали их населению.

² Хоругвь — знамя, флаг; белая хоругвь означала добрую весть, черная — тревожную или злую.

ро Яношик¹ с раннего детства трудился вместе со своими родителями на помещичьем поле с утра до позднего вечера. Он был крепкий малый, и работа спорилась у него в руках. А вот родители его были люди старые и немощ-

¹ Юрай Яношик (1688—1713) — легендарный словацкий благородный разбойник, он забирал богатство у панов, которые грабили простой народ, и раздавал его беднякам.

ные, надорвали они свои силы и здоровье, работая на помещика, на пана. Надсмотрщик нередко стегал их плеткой по согнутым спинам, чтоб они шибче поворачивались.

Мать болела и померла. Отец с сыном не пошли на панское поле — похоронить надо было мать, как и положено. На другой день после похорон пан велел привести их к себе и определил наказание: за то, что не вышли на работу, всыпать каждому по двадцать пять палок. Юро вынес порку, молчал, стиснув зубы, а отец, которому не впервые приходилось сносить такие побои, не выдержал, помер.

Печальная судьба родителей, которых он потерял так сразу, заставила Яношика задуматься о своем будущем житье-бытье. И решил он податься в разбойники, мстить панам за тяжкую жизнь крестьян. Попрощался с родной избой, где вырос, с любимой девушкой и ушел в горы.

В горах он повстречал еще несколько молодых парней, у которых была такая же, как и у него, судьба. Они подружились, поклялись друг другу в верности и начали мстить за кривду, что причиняли господа подневольным крестьянам. Жгли замки, нападали на богатых проезжих, отбирали у них добро и раздавали беднякам. Не раз девушки, ходившие в лес по малину, возвращались домой с кусками ткани на платья, которые Яношик щедро отмерял им.

Скоро Яношик стал грозой для панов. И неудивительно, что за поимку его сулили господа богатую награду.

днажды Юро Яношик (еще мальчиком) шел по лесу в горах, притомился и прилег отдохнуть на полянке на мягкий мох. Рядом протекал ручеек и своим монотонным журчанием усыпил Яношика.

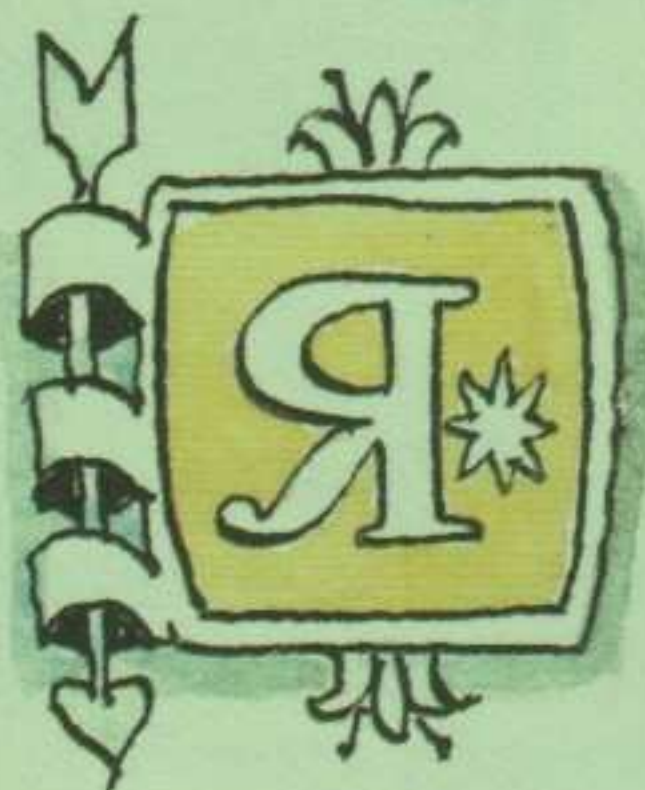
Смеркалось, солнце склонялось к западу, и тут к ручейку пришли три лесные вилы — хотели, видать, освежиться студеной чистой водой. С удивлением увидали они красивого парнишку, крепко спавшего у ручья. Вилы проводят всю жизнь в горах и редко встречаются с человеком, потому что селятся подальше от людского жилья: опасаются злых людей. Но от парнишки никакой опасности им ждать не приходилось, к тому же он спал и не слышал, как они подошли.

Но было на самом деле не так, как они думали. Яношик и вправду спал до этого, но незадолго до их прихода проснулся и, лежа на мху, любовался закатом. Когда Яношик заметил приближавшихся вил, он сразу вспомнил сказки о них, и ему захотелось разглядеть их поближе; он закрыл глаза и

притворился спящим. Вилы, очарованные красотой Яношика, решили, что наградят его таким даром, который будет ему полезен всю жизнь. Они дали ему семь волосков, которые заложили за правое ухо Яношика. В каждом из них была скрыта сила одного могучего мужчины. Когда Яношик вырос, он и вправду стал очень сильным, никто не мог с ним совладать.

ЯНОШИК И СТАРУШКА

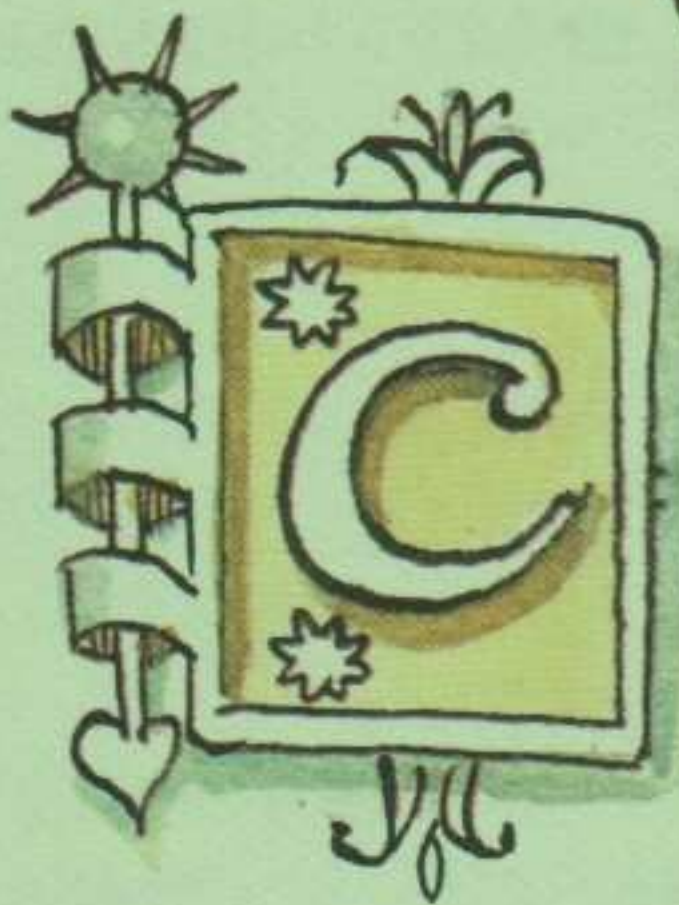

ношик любил гулять по лесу. Однажды встретилаь ему на распутье старая женщина, что несла вязанку хвороста, видно было, что ей тяжело. Яношик взял у нее ту вязанку и вынес из леса на полеую дорогу. Старушка была волшебница, в благодарность за его помощь она подарила ему живой прутик и велела зашить в широкий кожаный пояс, какой был у Яношика, как и у всякого лесоруба.

— Пока будешь ходить в том поясе, никто тебя не осилит, — сказала она.

Послушался Яношик, вшил прутик в свой пояс, и верно, волшебница не обманула его. Он и прежде был очень сильным, а теперь сила его во много раз выросла.

„ОТДАЙ БОГУ ДУШУ“

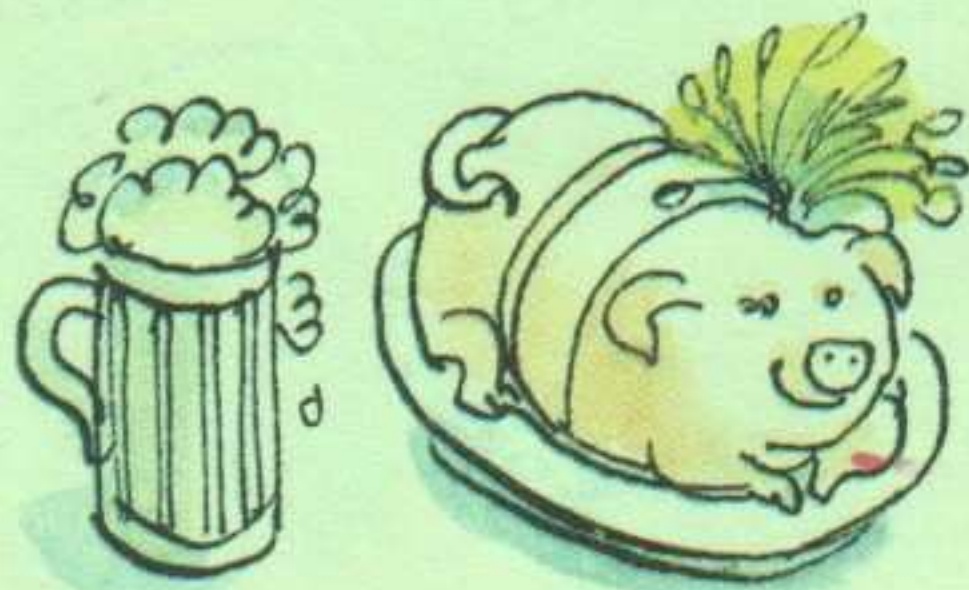

лучилось так, что один владелец замка созвал на большое угощение всех своих знатных соседей, богатых дворян. Само собой, для этого ему немало денег надо было, дичи да мяса. Все это пришлось поставлять в замок его подданным крестьянам.

Рано поутру разбудил деревню барабанный бой, собрался народ вокруг барабанщика, и тот прочитал им приказ пана из замка. Из каждой избы на то панское угощение обязаны были дать либо деньги, либо птицу, либо мясо. Поднялся в деревне плач и причитания, да разве проймешь панских слуг! Сердца у них каменные, и волю своего господина они выполняли строго. Легла великая печаль на деревню. Ведь кто поросенка откармливал, кто теленка растил, каждый свою надежду имея — продать поросенка на ярмарке, купить чего для бедного своего хозяйства.

А в панском замке весело да живо было. Все кругом чистили, мыли, убирали. Пан самолично доглядывал за уборкой, чтобы дом и двор сверкали чистотой. Наведывался он и на кухню, где несколько поваров хлопотали у плиты, печей и огромных котлов.

И вот наступил день званого обеда. Стали собираться гости. Во всех залах веселье да шум, играла музыка, слышалось пение. Знатные соседи развлекались. В самый разгар праздника кто-то помянул Яношика — мол, никогда нельзя угадать, откуда и где он появится.

Помянули волка, а волк тут как тут! Никаких преград для Яношика не было, не успели о нем сказать, как от дверей сильный голос крикнул:

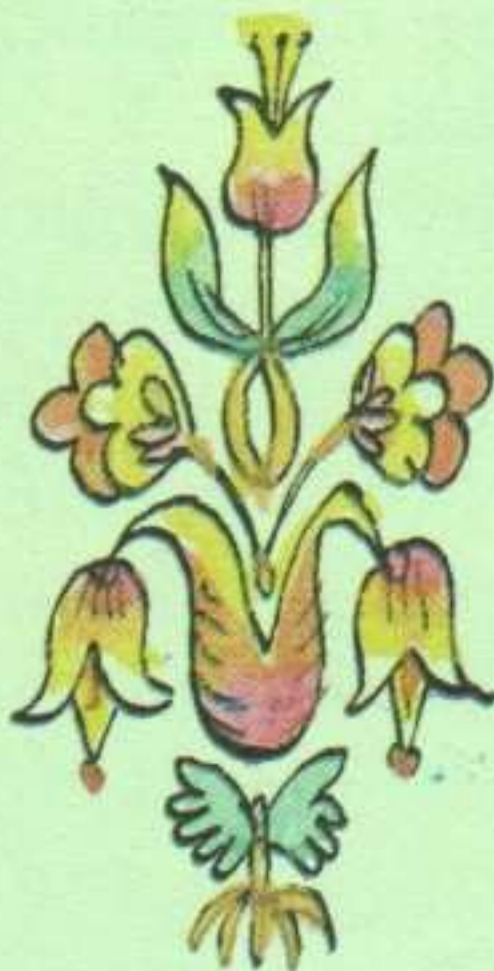
— Отдай Богу душу, а мне дукаты!

Был то сам Яношик.

Гости стали испуганно озираться, куда бы лыжи наострить, через какую дверь либо окно убежать, где бы схорониться. Только понапрасну они тормозились — во всех окнах и дверях стояли хлопцы из Яношиковой ватаги, и каждый держал в руках пистолет. Кто хотел остаться целый и невредимый, платил Яношику деньгами. Не пропустил Яношик и дам, хоть и прятались они за спины своих кавалеров и тряслись от страха. Пришлось им расстаться со своими драгоценностями, с украшениями и положить их в большую шляпу нашего разбойника.

Покинув замок, Яношик не пошел в лес, а спустился в деревню и там одарил каждого мужика, смотря по тому, сколько пришлось ему отдать на господское угощение.

Долго вспоминал подневольный люд добрых разбойников, лесных братьев, что против зла воевали, против тупосердных господ, против кривды, что за их богатыми столами пила-ела.

ЯНОШИК В ТЕПЛИЧКЕ

обрался один граф со своим слугой навестить богатую тетку в Тёпличке. Они еще из Крёмницы не выехали, а Яношик уже обо всем знал. Задумал он подстеречь их во Врутках. А дело в том, что отец молодого графа худо обошелся с отцом Яношика, вот и захотел Яношик отплатить графскому сыну. Переоделся он и вместе со своим другом Ильчиком отправился во Врутки.

Молодой граф уже приехал туда и остановился в заезжем дворе. Вскорости и Яношик с Ильчиком, переодетые, туда заявились. За ужином Яношик представился ему тоже графом, что прибыл проездом из Польши. Яношик с Ильчиком сговорились увести ночью графских коней. Как задумали, так и сделали, а коней спрятали в пещере неподалеку.

Утром граф проснулся, а ехать дальше не на чем, трактирщик доложил, что кони ночью пропали.

Яношик и говорит графу:

— Я вижу, вас постигло несчастье. Если вы не против, я с удовольствием подвезу вас.

Ильчик сел возле кучера, стегнул коней, и они покатили. А об остальном они тоже сговорились. Ильчик угостил графского слугу паленкой, а Яношик графа — сигарой. Оба от этого и заснули.

Яношик с Ильчиком положили их на лужайке, а сами переоделись в ихнюю одежду. Стащили они их потом в пещеру и надели им разбойничий наряд, а сами сели в карету — и напрямик в Тепличку.

Яношик доподлинно знал, что здесь ждет в замке графа огромное наследство, которое завещала ему его тетка.

Как увидела графиня карету по дороге к замку, тотчас велела ворота отворять и приготовилась сердечно встретить племянника, которого с детских лет не видала. Ей и на ум не вошло, что сюда может ехать кто-то другой.

Позвала она его к себе в покои и стала уговаривать остаться в замке за хозяина: у нее сына нету, а сама она уже старая.

Яношик ей так отвечал:

— Дорогая тетенька, сейчас я не смогу дать вам ответ, потому что мне надо вернуться по делам. Об одном вас прошу: дайте мне все ваши наличные деньги, я должен вас остеречь — в околотке Яношик шастает, как бы он сюда не нагрязнул. Дайте мне их на сохранение, не то всего лишитесь и в бедность впадете. А я вскорости вернусь к вам.

Графиня до смерти боялась Яношика и с радостью отдала все свои деньги на сохранение. А он еще посидел с графиней, покалякали они, и, попрощавшись, Яношик уехал.

Тем временем молодой граф и слуга проснулись, продрали глаза и вокруг озираются. Видят на себе разбойничью одежду, сразу и не разберутся, что с ними стряслось, как они к разбойникам попали. А Яношик своим

хлопцам наперед наказал, чтоб им еще вина побольше дали. И те снова позасыпали.

На ту пору вернулся Яношик. Их снова в свое одели и с лошадьми на тот самый луг, где их первый раз раздели, и спровадили. Только бумаги графские Яношик себе оставил, а вместо них подложил молодому графу бумагу, на которой написал: *Я Яношик, покорись, баба!*

Проснулся молодой граф и снова в толк не возьмет, что с ним.

Рассудил, что все случившееся привиделось ему в дурном сне, и спокойно поехал дальше. Прошла с его отъезда из дома уже целая неделя. Прибыл молодой граф в теткин замок, а старуха и не разглядела, что обличьем он не похож на того племянника, что приезжал уже к ней, снова с радостью приняла, довольная, что он так скоро возвратился. Но когда он сказал ей: «Тетенька, я приехал за деньгами, о которых вы мне писали, что хотите мне передать, как и все имущество», тетка сильно удивилась и говорит ему:

— Ты что плетешь, сын мой, забыл, что ли? Я ж тебе неделю назад все деньги отдала, когда ты у меня гостил. Я уж и не верю тебе, ошибка тут какая-то вышла. Не Яношик ли ты, часом?

— Тетенька, как вы можете обижать меня, откуда мне разбойником быть? Я молодой граф, ваш племянник! Не верите — поглядите мои бумаги.

Достал из кармана бумаги и протянул ей. А там написано: *Я Яношик, покорись, баба!*

Прочитала такую записку богатая тетка и сомлела, не сходя с места. А как опаматовалась, приказала связать графа веревками и отвезти вместе с его провожатым в Бѣтчу, прямо в суд.

Яношик и про это дознался. Взял он настоящие графовы бумаги и отослал их через знакомого мужика судье в Бѣтчу. И письмо приложил, что деньги он сам забрал за то, что старый граф невинно отца его обидел.

Суд сразу отпустил графа, а за Яношиком погоню устроил. Граф назначил за его голову награду в тысячу золотых, если кто живым Яношика возьмет. Хотелось ему наследство назад возвратить. И нашлись такие, и немало, которые польстились на эти деньги. Был среди них один корчмарь¹, который на эту затею подрядился, тоже сердитый на Яношика, — Яношик прислал ему письмо, чтоб приготовил он четыреста золотых, мол, придет за ними сам. В письме указано было, где те деньги положить. Вот корчмарь и надумал подловить Яношика, когда тот за деньгами припожалует.

Пошел корчмарь в город, доложил начальству и попросил дать ему в помощь двух гайдуков — городских стражников — из Лѣптова. Дескать, ждет он Яношика к себе. Дали ему гайдуков, и он привел их на то место, которое указал ему Яношик. Был то погреб. Стали они ждать. Недолго просидели, приходят еще два гайдука, из Трѣнчина, послали, мол, их на подмогу. А после еще двое пришли, из Бѣтчи. Только все четверо были переодетые Яношиковы хлопцы!

Вот сидят они вшестером в погребе, ждут, достали еду, что припасли на дорогу, подкрепились. Разбойники попотчевали гайдуков паленкой, те и заснули, как колоды. Разбойники одного вынесли из погреба, а второго одели Яношиком и на другой день передали корчмарю, что лежит Яношик в погребе связанный.

¹ Корчмарь — содержатель постоянного двора, гостиницы, где были помещения для лошадей и карет.

Собрался тут корчмарь с теми гайдуками, то есть переодетыми разбойниками, взяли связанного Яношика (переодетого настоящего гайдука) и повезли в Бытчу. Напоили переодетые разбойники и корчмаря дорогой так, что и он заснул. Тогда один из гайдуков — а был то сам Яношик — взял бритву и обрил любезному корчмарю усы и бороду. Стащили они его с телеги, посадили на траву, привалили к пеньку, а сами уехали.

Очнулся корчмарь, потрогал лицо — нету ни усов, ни бороды, стал он причитать:

— Что ж это со мной сделалось?!

И до того он был и причитал, что какой-то прохожий, неведомо где взявшись, — а был то Яношик, — спросил его:

— Что стряслось, мил человек, чего вы так плачете да воете? Кто вы? Корчмарь и отвечает:

— Я и сам не знаю, кто я и чего тут сижу!

— А ну отвечай по чести, — нагнал на него страху Яношик, — не то видишь мою палку? Так тебя сейчас огуляю!..

— Уж и не знаю, что тебе сказать, был я корчмарем, да ежели тот корчмарь живой еще, то это не я, я совсем на него стал не похожий. У того борода была и усы, а теперь...

А Яношик уже послал Ильчика к корчмарке с наказом, чтоб приготовила четыреста золотых, потому как Яношик по дороге убежал, а разбойники корчмаря в плен взяли. Если она хочет мужа своего живым видеть, пусть выкуп дает.

Вернулся Ильчик с деньгами, и разбойники отпустили корчмаря. Пришел он домой, а жена не узнает его — так он переменился весь. Корчмарь рад был, что в живых остался, и на всю жизнь закаялся ловить Яношика.

или-были старик со старухой, и был у них внучек Будулинек. Наварили они ему похлебки и говорят:

— Никому не отпирай двери, Будулинек!

А сами в лес ушли.

Пришла лиса, постучалась в дверь и просится:

— Отопри, Будулинек!

А Будулинек отвечает:

— Нет, не отопру!

Лиса снова просится:

— Отопри, я тебя на своем хвосте покатаю!

Захотелось Будулинеку на хвосте покататься, забыл он про дедушкин наказ и отпер дверь.

Лиса забежала в избу, съела его похлебку и убежала.

Воротились домой дед с бабкой и спрашивают:

— Будулинек, кто приходил?

Будулинек и рассказал:

— Была тут лиска, съела мою похлебочку!

Дед с бабкой пожурили его:

— Наказывали мы — никому двери не отворяй!

На другой день наварили они ему каши и говорят:

— Смотри, никому двери не отпирай!

Сами же в лес ушли. Прибежала тогда лиса, постучалась и просится:

— Отопри, Будулинек!

Будулинек ей отвечает:

— Не отопру!

А лиса:

— Отопри, Будулинек, я тебя на хвосте покатаю!

Будулинек снова отворил ей, лиса вошла, кашу его съела и убежала.

Воротились дед с бабкой и спрашивают:

— Будулинек, кто приходил?

Будулинек отвечает:

— Прибегала лиска и съела мою кашку!

Они ему говорят:

— Наказывали мы тебе двери никому не отворять!

На третий день наварили они ему груш, а сами в лес ушли.

Только они ушли, прибежала снова лиса и просится:

— Отопри, Будулинек, покатаю тебя на своем хвосте!

— Не отопру, ты меня обманула!

Лиса снова обещалась покатать его. Будулинек слушал, слушал, очень ему хотелось покататься на лисьем хвосте, он и отпер.

Лиса вошла, съела груши, Будулинек сел ей на хвост, и лиса покатала его немного по избе, а потом побежала и унесла его в свою нору.

Воротились домой дедушка с бабушкой, глядят — нету нигде Будулинека. Поняли они, куда он девался, взяли топор, ушат¹ и скрипку и пошли к лисьей норе. Подошли к норке, стал дедушка на скрипочке играть, а бабушка в деревянный ушат стучать и припевать:

Четыре лисы сидят в норе,
Будулинек — пятый,
мы играем на дворе
в барабан ушатый!

Говорит тогда старая лиса молодой:

— Ступай погляди, кто там?

Выскочила молодая лиска из норы, а бабушка стукнула ее по голове и бросила под ушат. Стал дедушка снова играть, а бабушка застучала в ушат и запела:

Три лисы сидят в норе,
четвертый — Будулинек,
мы играем на дворе
в барабан да скрипку!

¹ У ш а т — большая деревянная лоханка с двумя ручками (или с одной), в которой стирали белье и купали детей.

Старая лиса и говорит молодой:

— Ступай погляди, кто там?

Выскочила вторая лиска, бабушка и ее стукнула по голове и бросила под ушат; дедушка снова заиграл на скрипочке, а бабушка запела:

Две лисы сидят в норе,
третий — Будулинек,
мы играем на дворе
в барабан да скрипочку!

Говорит старая лиса молодой:

— Сестры твои, негодницы, видать, танцы там затеяли, не идут назад. Ступай-ка погляди!

Стала третья лиса из норы вылезать, бабушка — хлоп ее по голове и бросила под ушат. И снова дедушка заиграл, а бабушка запела.

Говорит тут старая лиса:

— Придется мне самой идти!

Только она из норы высунулась, бабушка — хлоп и ее по голове и бросила под ушат. Потом полезли дедушка с бабушкой в лисью нору и нашли там Будулинека. Он сидел в уголке и плакал по дедушке с бабушкой — ах, зачем он их не слушался!

Они взяли его, успокоили, отвели домой, и с той поры Будулинек всегда слушался дедушку и бабушку, и хорошо ему жилось.

ил в одной деревне богатый крестьянин, всего у него было вдоволь, но жадность и спесь не давали ему покоя. Хотел он всегда и во всем быть первым в деревне и злился, что господа не поставили его старостой. А как его могли сделать старостой, если он ни читать, ни писать не умел и люди считали его глупым и чванным!

Было у того мужика три пса, он похвалялся ими, а больше всего пуделем Азбром, говорил о нем, что Азор только что не разговаривает и такого пса другого не сыскать.

Был у мужика батрак Мэртин, мужик и Мартину рассказывал каждый день про собак, с утра до ночи, а больше всего про Азора.

— Азорчик все умеет, все понимает, были бы собачьи школы, ей-богу, Мэртин, отдал бы я его учиться.

Мэртин был продувной малый, работы ему доставалось немало, хозяин не давал сидеть без дела, ездил на нем, как только мог. Туго приходилось Мартину, да что попишешь, деваться некуда: у самого Мэртина земли не было, зато было четверо детей, кто знает, получил бы он работу где в другом месте.

Слушал он, слушал про хозяйских собачек и про Азорчика, а потом возьми и брякни:

— Нешто не знаете, хозяин, что открыли школы для собак?

— За кого ты меня держишь, за дурака, что ли? — осерчал мужик.

— Как можно, хозяин, — твердил свое батрак, — давеча лесничий рассказывал, будто есть собачьи школы, и толкового пса могут научить и говорить.

— Мартин, вот удача-то, а где такая школа находится? — загорелся мужик.

— В городе за лесом, хозяин, и дорога туда стоит двадцать золотых.

— Двадцать золотых? — задумался было хозяин. — Не разорюсь из-за двадцати-то! Отвези туда Азорчика, — надувался спесью мужик, — еще сотню тебе дам — небось там и платить за обучение придется.

«Ну погоди, сквалыга, — подумал батрак, — я тебя проучу за твою спесивую дурость! Бедняку гроша не дашь, а на глупую затею готов сотню выбросить! Мужик богатый — что бык рогатый».

Дал хозяин Мартину двадцать золотых на дорогу, буханку хлеба, а для Азорчика — копченое мясо, и пошел батрак через лес к своему куму — лесничему.

Когда рассказал Мартин куму, куда его хозяин послал, кум рассмеялся и говорит:

— Оставьте пса у меня. Тут никто не бывает, ни одна живая душа ни о чем не дознается, а хозяин, ей-богу, заслужил того, чтоб его проучили.

Мартин провел у кума целый день, а потом вернулся домой. Хозяин на месте не мог усидеть, завел батрака в камору, чтоб никто не слышал, и расспрашивал, как удалось уладить дела.

— Жалко, хозяин, что вас при том не было, — врал Мартин. — Только, значит, пришли мы в школу, Азорчик сразу сел за парту, будто всю жизнь там просидел. Учитель очень его хвалил, надеется, так он сказал, что Азорчик за год все науки превзойдет. Для начала пришлось заплатить сотню, а через год еще столько же.

— Да я и пяти сотен не пожалею, — пыжился хозяин, — пускай вся деревня увидит, что за пес у меня, издалеку будут приходить, чтобы посмотреть!

С той поры хозяин к Мартину подобрел, давал то муки, то крупы для детей и все только про Азорчика расспрашивал, как он там, каково ему живется в школе. Не минуло и полгода, а хозяин посылает Мартина проведать Азорчика. Снова дает ему двадцать золотых на дорогу, а Мартин прямиком к своему куму через лес топает. Побыл там денек, сено помог убрать и вернулся домой.

Хозяин не дождетсЯ узнать, что Азорчик выучил, как он там.

— Ученье идет у него хорошо, хозяин, — хвалит пса батрак, — учитель уверен, что через год выучится Азорчик разговаривать.

Мужик от радости только что не подпрыгивал, дал батраку мешок гороха и тешил себя возвращением Азорчика.

К концу года послал Мартина в третий раз, снова дал ему двадцать золотых на дорогу и сто — заплатить за обучение и ждал Азорчика на каникулы, строго наказав Мартину не спускать с Азорчика глаз, когда домой поедут.

Мартин снова погостил у кума лесничего, на третий день вернулся и пошел к хозяину в камору.

— Где же пес? — заволновался хозяин.

— Ох, беда, хозяин, испортился наш Азорчик. Говорить-то он выучился,

но вы бы послушали, что он говорит! Что вы плут, отца уморили, чтоб не кормить, сестру обобрали, и чего только еще не плел, обещался всей деревне рассказать, что вы за мошенник. Уж вы простите меня, хозяин, не вмоготу мне было слушать его безбожные речи, бросил я его в лесу!

Огорошенный мужик долго слова не мог вымолвить, наконец сказал:

— Правильно сделал, Мартин. Такого пса в доме держать — сраму не оберешься. Неблагодарный пес.

С тех пор мужик меньше хвастать стал и к людям малость подобрел.

Азорчик остался у лесничего и говорить, конечно же, так и не научился.

прежние времена в городке Коцоуркове не было портного. Здешние жители шили себе одежду в соседнем городе и часто сетовали на то, что приходится далеко ходить, да и не раз, особенно перед праздниками, когда все хотели справиться себе обновку. Над ними соседи еще и смеялись, говорили: что это вы живете, будто в глухом лесу, своего портного у вас нет!

Шел однажды коцоурковский житель Матей в гости к куму и увидал за околицей чудного зверя с ножницами. Был то рак, но Матей того не знал и подумал, что это, видать, портной, что материю клешнями стрижет. Взял он его в узелок, повернул домой — и напрямик к старосте. Созывайте, мол, заседание городских советников, я пришел с важным известием. Собрались все, и Матей доложил им, что нашел портного, который будет им кроить ткани и шить наряды. Пан староста предложил, чтобы новому портному была оказана всяческая поддержка, скажем, дровами, только чтоб новый портной остался в городке, и все советники одобрили мудрую мысль своего старосты.

Весть о портном разнеслась по всему городу, и жители ликовали. Дело было аккурат перед праздником, матери понакупали дочерям тонкого полотна, а пани старостова приготовила шелк. Все ждали, когда новый портной примется за дело.

В трактире¹ разложили на большом столе ткани, Матей принес рака, посадил посреди стола и предложил всем разойтись и оставить мастера одного, чтоб не мешать его работе.

Прошло какое-то время, и пани старостова пошла поглядеть, что успел сделать портной.

Зашла она в залу, глянула на стол и с плачем выбежала, заламывая руки и призывая остальных городских дам взглянуть на страшное безобразие.

¹ Трактир — заезжий двор, гостиница, где были конюшни для лошадей, комнаты для проезжающих; здесь готовили еду для приезжих и местных жителей, была зала для собраний.

Что же они увидали?

Все ткани были изорваны в клочья!

Матери ругались, что понесли урон, дочери плакали, что у них не будет к празднику новых платьев и они не смогут пойти на танцы. Пан староста срочно созвал советников, и те поносили на чем свет стоит негодного портного и ломали голову, как его пострашнее наказать.

Матей тоже пришел к ним и надоумил отцов города, как быть.

— Господа, лучше всего припугнуть негодника, что утопим его, если он не возьмется за ум, утопим за то, что расстроил нас и обманул! Вот увидите, он сразу присмирет, и, глядишь, кое-что можно будет и исправить.

Староста и советники поддержали Матея, сторож принес ведро с водой, и Матей бросил туда рака.

Все ждали, что портной запросится назад из воды, но по всему видно было, что тому в воде нравится, он весело и шустро плескался в ведре и стриг клешнями. Все смотрели на Матея с надеждой — в городе он слыл мудрым человеком. И правда, Матей скоро сообразил, как быть.

— Тут, конечно, небольшая глубина, портняжке она нипочем, надо отнести его, где поглубже. Ну, погоди же, бестия портняжная, утюжное рыло, попадешь в омут, поглядим, что ты запоешь!

Положил рака в узелок и отнес к лесу, где был глубокий омут. Развязал узелок и говорит:

— Последний раз упреждаю — одумайся!

Рак молчал. Не выдержал Матей, осерчал не на шутку и стряхнул рака в омут. Плюх! Рак упал в воду, но вел себя, будто дома, плескался, вертелся во все стороны, а жители смеялись над ним:

— Ну, бездельник, затрепетал, задергался! Так тебе! Что посеешь, то и пожнешь! Конец тебе пришел! Пойдешь песок караулить!

И правда, рак пошел на дно и исчез в норе возле берега.

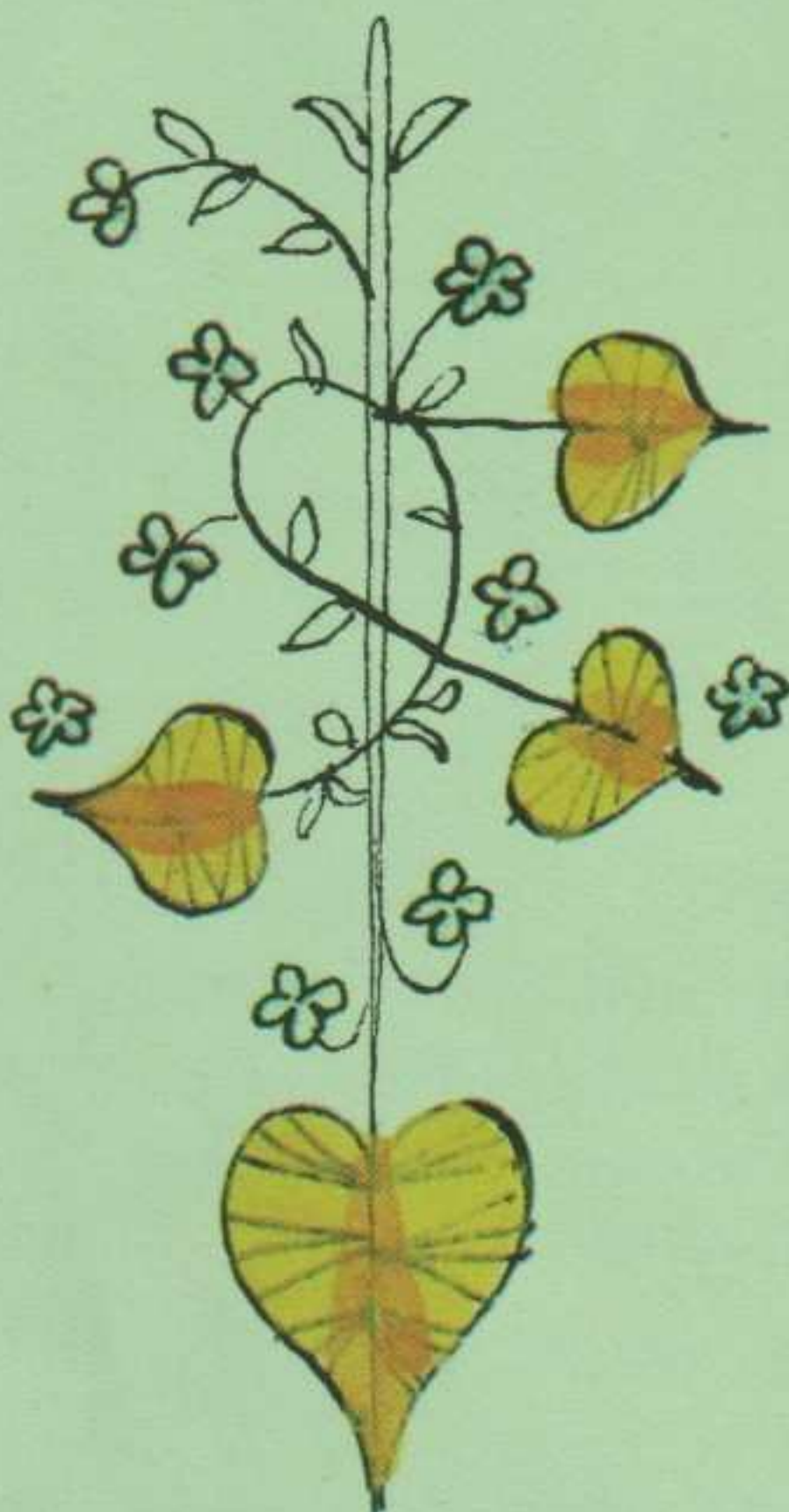
Проходил на ту пору мимо чужой человек, увидал над омутом толпу, подошел полюбопытствовать, что там происходит, и спросил:

— Что тут делаете, люди добрые, раков ловите?

— Каких раков, мил человек, портняжку топим за то, что испортил нам ткани.

Путник, не долго думая, побежал к господам в замок, проворно, будто его сзади поджаривали, и доложил господам обо всем, что видел и слышал. Началось расследование: кого это там в Коцоуркове топили?

Когда выяснилось, вся округа потешалась над жителями Коцоуркова, как они хотели утопить рака.

СОДЕРЖАНИЕ

* ЧУДЕСНАЯ ВОЛЫНКА. Перевод с чешского	5
** КОЗЬЯ СКАЛА НАД ОРАВОЙ-РЕКОЙ. Перевод со словацкого	20
*** КАМЕННЫЕ РОЗЫ. Перевод со словацкого	24
*** ГОРБУНЬЯ ГАЛЬКА И БОГИНКИ. Перевод со словацкого	29
* ДИВНАЯ СТРАНА. Перевод с чешского	32
*** РАЗУМ И СЧАСТЬЕ. Перевод с чешского	38
О ЯНОШИКЕ. Перевод со словацкого	
* МОЛОДОСТЬ ЯНОШИКА	42
* СЕМЬ ВОЛОСКОВ	43
* ЯНОШИК И СТАРУШКА	45
*** «ОТДАЙ БОГУ ДУШУ...»	—
*** ЯНОШИК В ТЕПЛИЧКЕ	47
*** БУДУЛИНЕК. Перевод с чешского	52
*** УЧЕНЫЙ ПЕС. Перевод с чешского	55
*** КАК В КОЦОУРКОВЕ УТОПИЛИ РАКА. Перевод с чешского	57

** © «Детская литература», 1988
 *** © «Художественная литература», 1990

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

ЧУДЕСНАЯ ВОЛЫНКА

Чешские и словацкие народные сказки

Составитель *Иванова Ирина Ивановна*

Ответственный редактор **Т. П. Владимирская**

Художественный редактор **Н. З. Левинская**

Технический редактор **И. П. Савенкова**

Корректоры **Л. А. Анчевская, В. В. Борисова**

ИБ № 12526

Сдано в набор 19. 08. 91. Подписано к печати 28. 02. 92. Формат 60х90¹/₈. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офс. Усл. печ. л. 7,5. Усл. кр.-отт. 32. Уч.-изд. л. 6,97. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6933. С 154. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Министерства печати и информации Российской Федерации. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати Российской Федерации. 127018, Москва, Суцеский вал, 49.

Ч84 Чудесная волынка: Чешские и словацкие народные сказки/Сост., прим. и пер. И. Ивановой; Художн. Р. Вольский.— М.: Дет. лит., 1992.— 60 с.: ил.

ISBN 5—08—002172—1

Волшебные и бытовые сказки наполнены конкретным, живым чешским и словацким бытом и историческими реалиями. Особенно любимы народом Чехо-Словакии сказки о Яношике — легендарном словацком герое, защитнике обездоленных.

Ч 4804010400—154 478—91
 М101 (03)-92

ББК84.4Че

художник

Р. Вольский

Издательство

Детская

Литература